

Андрей Всеволодович Остальский
Иностранец на Мадейре
Серия «Клуб путешественников (Амфора)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11808020
Иностранец на Мадейре : Амфора; СПб.; 2015
ISBN 978-5-367-03677-0, 978-5-367-03688-6

Аннотация

Известный журналист, главный редактор Русской службы Би-би-си Андрей Остальский пишет о своей жизни на «сказочном острове» Мадейре. Книга Остальского – увлекательный и объективный рассказ о достопримечательностях и истории острова, о традициях и нравах его жителей.

Содержание

Глава 1. География	5
Глава 2. Восемнадцать имен кофе	8
Глава 3. Сад, поднявшийся из океана	12
Глава 4. Приключения на дороге в Фуншал	16
Глава 5. Фуншал	21
Глава 6. Здесь русский дух...	24
Глава 7. От Морского проспекта до горных садов	28
Глава 8. Каналы, без которых нет Мадейры	30
Глава 9. По дороге к Волшебной горе	39
Глава 10. О нервных революционерах и харизматичных художниках	43
Глава 11. Фуншалские музеи: вспоминая Врубеля	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Всеволодович Остальский

Иностранец на Мадейре

В настоящем издании сохранена авторская орфография

© Остальский А., 2015

© Оформление. ООО «Торгово-издательский дом „Амфора“», 2015

Моим верным спутницам Свете и Роберте

Автор благодарит за неоценимую помощь в подготовке этой книги Жоао Карлуша Абреу, Филипу Лоджа, Октавио Суза, Педру Тешейра, Ольгу Григори и Александра Шепелявенко. Особая благодарность ее первым читателям и рецензентам Светлане Азерниковой и Александру Юрздицкому.

Наше пребывание на острове оказалось столь приятным, что хотелось просто наслаждаться им вместо того, чтобы заниматься его описанием.

Дневники Горацио Бриджа, 1844 год

Глава 1. География

Еще несколько секунд назад самолет натужно пробивался сквозь облака, нервно вздрагивал под напором ветра – и вдруг провалился в ослепительную голубизну. На мгновение невольно закроешь глаза, но уже в следующую секунду навстречу тебе стремительно развернутся будто нарисованные голливудским художником-фантазером декорации: зеленые, с черными базальтовыми прогалинами и темными горными вершинами.

Вот он каков – архипелаг Мадейра. Еще через мгновение перед глазами – главный остров крупным планом, и вот уже ясно видны бухты и изрезавшие его берег дороги с бегущими по ним игрушечными машинками, и разноцветные леса, и белые, желто-лимонные, абрикосовые домики под черепичными крышами, прилепившиеся к зеленым холмам. Щемит в груди, потому что вдруг понимаешь, что что-то сейчас произойдет необыкновенное, значительное, твоя жизнь изменится.

И первая неожиданность – бумс! – напоследок еще раз крепко вздрогнув от ударившего в бок воздушного потока, самолет резко приземляется, почти врежется в землю... И бежит, кажется, слишком быстро, сможет ли остановиться?... Но нет, все в порядке, обычное дело, аэропорт Мадейры не самый легкий для посадки, но опытные португальские летчики отлично приспособились, никаких серьезных неприятностей не было здесь с тех пор, как аэродром расширили, продлили взлетно-посадочную полосу, поставив ее на 180 широченных, диаметром в три метра, бетонных свай.

Добро пожаловать!

Das ilhas, a mais bela e livre! – «Самые красивые и свободные из островов!» – это девиз архипелага Мадейра.

Ну, самые свободные – это, наверное, острова Дезерташ (Пустынные) и Селваженш (Дикие), потому что они необитаемы, на них живут только птицы и их корм (если не считать доктора Зино, но о нем речь впереди). А самый красивый – это, конечно, главный остров всего архипелага, давший ему свое имя – Мадейра.

На протяжении веков сюда не прилетали, а приплывали. Ощущения были, впрочем, похожими. «Остров все ближе и ближе – роскошный, весь словно увитый зеленью, с высокими голыми маковками блиставших на солнце гор, точно прелестный сад, поднявшийся из океана. Переливы ярких цветов неба, моря и зелени ласкают глаз... казалось, что он видит что-то сказочное, волшебное» – так описывал впечатления своего героя писатель-маринист Константин Станюкович, побывавший на Мадейре в 1862 году.

А за девять лет до этого Иван Гончаров, глядя с борта фрегата «Паллада», поначалу ошибся, обознался. Мадейра показалась ему суровой скалой. «Все казалось голо, только покрыто густым мхом. Но даль обманывала меня: это не мох, а целые леса; нигде не видать жилья».

Но вот фрегат обогнул восточный берег, повернул к южному, и тут Гончаров увидел нечто, что его потрясло. «Нас ослепила великолепная и громадная картина, которая как будто поднималась из моря, заслонила собой и небо, и океан, одна из тех картин, которые видишь в панораме, на полотне и не веришь, приписывая обольщению кисти... Не знаешь, на что смотреть, чем любоваться; бросаешь жадный взгляд всюду и не успеваешь следить за этой игрой света...»

Не меньшее впечатление остров производил и на путешественников из других стран. «Я не знаю другого такого места на Земле, которое так поражало бы и так услаждало бы глаз с первого взгляда, как остров Мадейра», – писал английский моряк, ставший одним из первых признанных писателей-маринистов Викторианской эпохи, капитан Фредерик Марриат.

В минувшие века путешественники сообщали о чудодейственных ароматах, удивительным образом достигавших палубы корабля от приближающегося берега. И сегодня ступаешь на трап из самолета – и тоже дыхание перехватывает от неожиданности, от тепла, от вовсе не тропической, мягкой, шадящей влажности воздуха, действительно напоенного экзотическими запахами.

В прошлые столетия врачи направляли сюда состоятельных и знаменитых больных, страдавших чахоткой или другими респираторными заболеваниями. Местный климат облегчал течение болезни, продлевал жизнь. Среди приезжавших сюда лечиться были и аристократы, в том числе русские, и купцы да богачи со всей Европы, и даже художник Карл Брюллов, бюст которого появился пару лет назад в фуншалском муниципальном парке (в странной компании с памятниками лидерам революционных движений Латинской Америки). Брюллов, кстати, страдал не только чахоткой, но и болезнью сердца. Мадейра не смогла его излечить, но в какой-то момент ему стало заметно легче, настолько, что он смог уже гулять без сопровождающих (а то было и шага уже самостоятельно ступить не мог). Ремиссия позволила ему снова начать продуктивно работать.

Увы, период ремиссии у Брюллова длился не очень долго, кроме того, ему, кажется, стало скучновато на Мадейре. Он уехал в любимую Италию, где и умер.

Что же касается оздоровительного эффекта острова, то могу засвидетельствовать: наша маленькая англичанка стала заметнее реже цеплять всякие вирусы и простуды с тех пор, как провела здесь почти три года. Разница просто колоссальная. Школу практически перестала пропускать, а ведь на Альбионе картина была совсем иная... Да и мы с женой явно чувствовали себя лучше, чем в Британии.

Здесь, посреди океана, на острове, обдуваемом со всех сторон атлантическими ветрами, чистый воздух, вокруг чистая морская вода, из крана льется что-то такое почти родниковое. Пресную воду, точно гигантская губка, накапливает в себе горная порода, которая затем постепенно отдает влагу небольшим, но быстрым горным рекам и удивительным водоотводным каналам, опоясывающим весь остров и делающим возможным террасное земледелие.

Кстати, температура воды в океане достаточно высокая круглый год (от 18 °С в феврале-марте до 24 °С в августе-сентябре), и это несмотря на умопомрачительную глубину, начинающуюся почти у самого берега. Ведь что такое Мадейра? В общем-то, это вершина горного кряжа, сотворенного примерно два с половиной миллиона лет назад бешеной энергией столкновения тектонических плит, вздыбившей морское дно. Горный хребет этот взметнулся к небесам на высоту больше четырех тысяч метров над уровнем морского дна, выплеснув заодно из глубин земной коры чудовищное количество раскаленной добела лавы. И теперь его давно остывшие вершины застыли над водой. В море ведет резкий скалистый обрыв. Вот почему на острове Мадейра мало пляжей в привычном понимании этого слова. Но все же они есть. Во-первых, великолепный искусственный пляж в селении Кальета, на юго-западе острова, на который ушло сорок тысяч кубометров золотого песка, закупленного в Марокко. Там перпендикулярно берегу устроены две песочные полосы, как две стороны прямоугольника, защищенного от океана молами. Марокканским песком устлан пляж и в Машику на юго-востоке: туда легче и быстрее добираться от столицы острова, но там и многолюднее. Кроме того, есть еще несколько пляжей с черным, траурным песком. Самый известный из них – в Формозе, восточном пригороде Фуншала. Самый элегантный – удивительный маленький пляжик близ Канисала на востоке острова. Но для настоящих любителей пляжного «жанра» есть у Мадейры старшая (на пару миллионов лет) сестра: соседний остров Порту-Санту – сплошной изумительный пляж, растянувшийся на девять километров. Вот уж там толпы туристов вам не грозят.

А на самом острове Мадейра чуть отплывешь от берега – и начинаются адские глубины. Зато здесь много морских чудес: и киты прямо рядом резвятся, и глубоководная рыба Эшпада – это мадерьянское чудо из чудес – ловится. И есть немало любителей дальних заплывов, особенно среди русских, – тех, кто ловит особый кайф от сознания, что под ними – океанские глубины (только берегитесь медуз!). При всем при том у берега температура воды остается высокой благодаря обнимающим остров ласковым теплым течениям.

Глава 2. Восемнадцать имен кофе

– Ума шинеза пур фавор, – вежливо прошу я, но на лице официантки в лиссабонском кафе читается полное недоумение: она меня не понимает! А я-то был уверен, что говорю с ней по-португальски...

«Ну ладно», – подумал я. Попробую иначе.

– Ум гароту, фаш фавор.

Теперь недоумение сменяется подозрением. Да понимает ли клиент, куда он попал? Не путает ли два разных заведения? Ведь это – кафе, а просит он сначала китайку. А потом, за неимением оной, начинает требовать мальчика. Может, полицию позвать?

На мое счастье, появляется более опытная начальница или владелица заведения.

– Вы что, с Мадейры, что ли, приехали? – спрашивает она

– Да, да! Именно!

Мы там с семьей уже почти три года как живем, а до этого двенадцать лет подряд проводили каждый год по несколько недель. Там и нахватались всяких португальских фраз и выражений. А теперь вот посещаем столицу и пытаемся использовать приобретенные в провинции, на острове, знания. Но что-то не слишком успешно...

Начальница смеется.

– «Шинеза» – это у нас тут «китайка», – объясняет она молодежи, – а на Мадейре это еще и «кафе ком лейте», кофе с молоком. А «гароту» это не только «мальчуган», но и чашечка эспрессо с кипящим молоком.

На лице юной официантки – облегчение. Оказывается, к ним в кафе заглянул не сексуальный маньяк, а всего лишь любитель разновидности кофе, известной в остальном мире под итальянским названием «латте». Но при этом клиент оказался с мадерьянскими представлениями о том, как надо говорить по-португальски...

А я получаю урок сравнительного языкознания – чем отличается островной диалект от языка метрополии.

Португальцы, кстати, давным-давно сами придумали свой вариант «латте» и делают его ничуть не хуже, а, может, и лучше. Есть три его основные разновидности, отличающиеся размером порции. Самая маленькая – та самая, которую не без оснований зовут «мальчишкой». Самая большая порция, подаваемая в высоком прозрачном стакане, именуется «галау» (происходя, видимо, от американского «галлона»). А средний вариант – это как раз «китайка» – *chinesa*.

Кроме того, есть классификация по количеству добавляемого кипящего молока. «Нормал» – обычный стандарт, «клару» – побольше молока, «эшкуру» – кофе почти черный, и, наконец «пингаду» – это уже и вовсе капля молока в буквальном смысле слова. Ну и если вы просто хотите чашечку эспрессо без всякого молока, то ваш выбор называется «бика шейя». Бывает, кроме того, «бика курта» – двойной крепости.

Для тех, кому хочется кофе черного, но немного послабее, существует «кариока». Ее наливают в чашечку другой формы, чуть более широкую.

Всего мы с женой насчитали 18 названий и терминов для описания различных видов кофе и его производных, но на самом деле их, наверное, еще больше.

Если же вам нужно избежать кофеина в любых его проявлениях, то в большинстве кафе и ресторанов найдут для вас и «кофе дескафинаду». Но есть для таких случаев и свой собственный, мадерьянский, гораздо более оригинальный и, по-моему, приятный и полезный вариант. Здесь придумали замечательный горячий напиток ша де лимау – из лимонной корки, заваренной в крутом кипятке. Один цвет чего стоит – ярко-лимонный с золотым отливом.

Берешь в руки стаканчик – и невольно им любишься. Кстати, этот же потрясающе освежающий напиток можно заказать с небольшим добавлением виски или местного бренди.

Вернувшись из столицы, мы с женой отправились в одно из наших любимых кафе, которое мы по привычке зовем «Оскар». Теперь у него новый владелец, переименовавший кафе в свою честь – «Cafe do J. M.». То есть «Кафе Жозе Мануэля».

По внешности Жозе (или в таком случае – Хосе?) Мануэль – типичный венесуэлец, каких немало в последнее время переселилось на Мадейру. Десятилетиями направление движения было скорее противоположным – мадерьянцы уезжали в латиноамериканскую страну на заработки. Местная знаменитость, футболист Дани, играющий за российские клубы, родился в Венесуэле, хотя рос и учился играть уже на острове – после того, как вернулся на родину. И это весьма типичная история. Но не редкость и эмиграция состоятельных венесуэльцев на Мадейру, они переезжают сюда в поисках более мягкого климата – и в прямом, и в переносном смысле. Им здесь рады, поскольку они приносят с собой немалые инвестиции.

«Оскар», он же «Cafe do J. M.», наверное, должен считаться заурядным, дешевым демократичным заведением местного значения: кажется, мы ни разу не видели там никаких иностранцев – кроме себя любимых, заседающих там регулярно. Располагается кафе на длинной тенистой улице Подполковника Сарменту (Tenente Coronel Sarmento), соединяющей нашу любимую Жасминную улицу (Rua do Jasmineiro) с проспектом Камозанса (Avenida Luis de Camaes).

Навечно оставшаяся в голове картинка: мы сидим за столиком на свежем воздухе, рядом с прозрачной стеной кафе. Прямо перед собой я вижу большое разлапистое дерево с желтыми цветочками в кроне – тупуану, а за ней – бесконечную синь океана, сливающегося с голубым небом. А если обернусь, то увижу подернутые легкой дымкой зеленые горы. Мы одеты по-летнему, хотя на календаре – конец декабря. Веселое, хотя и слегка сюрреалистическое ощущение – гулять на Рождество в футболках с короткими рукавами и без носков.

Разбросанные по свету друзья и родственники сообщают о пронизывающей сырости английских ветров, о бесконечных холодных дождях Москвы и Петербурга, о непогоде в Нормандии и ранних морозах в США, а здесь, на Мадейре, словно другая планета. И в ноябре, и в декабре, и в январе, и в феврале и так далее – вокруг все та же ласковая синь, только цветы и деревья чуть меняют окраску, распускаются новые бутоны. Неподалеку от «Оскара», в соседнем дворе – розарий. Посреди зимы цветов не так уж много, и некоторые уже пожухли, но все равно поразительно – цветущие розы в январе! Хожу вокруг и декламирую Пушкина: «Январские морозы... читатель ждет уж рифмы „розы“, так на ж, возьми ее скорей!» У Пушкина это была острота, почти абсурд, здесь же это было бы констатацией факта. Январь – и розы. Только с морозами – дефицит. То есть полное их отсутствие.

Этот образ – гладь океана, яркие краски и ароматы распускающихся цветов, синь неба – и чашка ароматного кофе или ша де лимау в руке – может стать главным символом этой книги. Конечно, изредка выпадают деньки и похуже, налетает откуда-то взявшийся ветер, может пойти и дождь... Но это исключения, лишь подтверждающие правило. Мадейра – чемпион мира по климату! В зимние месяцы «стужа» по-мадерьянски – это температура в 16–17 °С. В такие дни местные жители ежата, горестно вздыхая: «Фриу! Каков холод! Ужас вообще!» Но чаще столбик термометра в январе и феврале добирается до двадцати градусов. И летом здесь нет изнурительной жары, характерной для других тропических и субтропических стран, температура июля в среднем – 25–26 °С, редко когда дойдет до тридцати.

Климат Мадейры считается «средиземноморским». Но, по-моему, это неточное определение: в средиземноморских странах в августе бывает изнурительно жарко – под сорок, а зимой иногда целыми неделями царит мрачная серость, тучи, пронизывающий ветер, тоска... Нет, здесь, у нас на Мадейре, ничего нет подобного. Одно из немногих мест на

Земле, где не нужно отопление и можно спокойно обойтись без кондиционеров. В одном западном тексте я прочитал другое определение мадерьянского климата: «океанический, с элементами тропического». Может быть, это так и есть. По крайней мере, он явно не укладывается в прокрустово ложе стандартных определений, слишком мягок и ровен для того, что мы обычно понимаем под тропиками и даже субтропиками. Еще один штамп – называть Мадейру «островом вечной весны». Но какая может быть весна, когда нет зимы? Нет, здесь скорее вечное мягкое лето с небольшими температурными колебаниями между разными сезонами.

Секрет острова в том, что он защищен от стихий Гольфстримом. А южный берег, тот самый, где расположена столица Фуншал и другие курортные городки, защищен вдвойне: направление ветров в Атлантике таково, что главное давление воздушных потоков принимает на себя берег северный. Там тоже очень живописно, дух захватывает – но достаточно сурово и аскетично по сравнению с расслабленной благодатью берега южного. Наши друзья, милая интеллигентная пара из Санкт-Петербурга, находят, что мадерьянский север напоминает им Норвегию – так же красиво, и так же сурово. Вообще, путешествуя по острову, можно натолкнуться на пейзажи, будто взятые напрокат из самых разных климатических зон. То почудится Мексика с остроконечными кактусами, торчащими посреди пустыни, то швейцарским высокогорьем повеет, а то вдруг покажется, что ты очутился в Крыму или на Кавказе. Но на протяжении главной курортно-туристической зоны на южном берегу – это все же Африка. Недаром же Мадейра ближе всего расположена именно к этому континенту. Буйство красок, красноватая почва, напоенная солнцем... Но это Африка без африканских недостатков. Нет здесь не только изнурительной жары, но и никаких змей, скорпионов и тарантулов, тем более мух цеце и других жутких насекомых. Здесь чисто, гигиенично, шанс подхватить что-нибудь желудочно-кишечное не больше, чем в какой-нибудь Скандинавии.

Тот факт, что до открытия острова португальцами он был необитаем, означает, что местное население гомогенно, это сплошные переселенцы с португальского севера, а затем и из некоторых других районов континентальной Португалии. Попадавшие сюда немногочисленные представители других рас и этносов быстро ассимилировались, оставляя следы в экзотической внешности обитателей острова и в какой-то мере в их психологии, но никаких отдельных этнических и конфессиональных групп здесь не образовалось. На острове нет ни мечети, ни синагоги, поскольку не востребованы. Хотя, говорят, мусульманский молебный дом в районе торгового центра «Madeira Shopping» все же имеется. Но нельзя не отметить, что число представителей других, неевропейских рас на острове ничтожно мало – гораздо меньше, чем в больших городах континента. Нет здесь ни расовых, ни этнических, ни межконфессиональных трений. Все сплошь белые добропорядочные католики, если не считать английских пенсионеров, в большом количестве поселившихся на острове, мимолетных туристов да украинских строителей и официанток. Ну да, пытаются зацепиться за мадерьянские скалы небольшие группы баптистов, свидетелей Иеговы и адвентистов седьмого дня. Но это так, капля в католическом море... И в этой гомогенности населения – одна из причин низкого уровня преступности, отсутствия вандализма и хулиганства.

Я отлично понимаю американского путешественника Горацио Бриджа, который 170 лет назад описывал впечатления от Западного побережья Африки, Канарских островов, но, оказавшись на Мадейре, досадовал, что ему надо вести дневник вместо того, чтобы просто забыть обо всем и наслаждаться волшебным климатом, буйными красками цветов, едой, вином... Но надо же кому-то и летописи создавать, и книги писать про это удивительное место, эту «клумбу в океане».

Правильно, наверное, в Античности группу островов у атлантического побережья Африки называли Макаронезией, то есть «блаженными островами». Когда два с половиной миллиона лет назад древние боги, они же бешеные вулканы, вздыбили морское дно и задрали

над водой вершины горного кряжа, ставшего Мадейрой, они выбрали для этого исключительно удачное место.

Второй раз архипелагу повезло, когда он достался Португалии. Мадерьянцы – это отдельная островная мини-нация. Часть португальского народа, но особая и оригинальная. У этого, конечно, есть не только положительные последствия, но для нас с вами важнее всего, что здесь давно уже каждый знает и понимает: благополучие всего острова и всех его жителей зависит более всего от иностранцев, прежде всего туристов и отдыхающих. Поэтому, что бы они о нас ни думали в глубине души, они хотели бы нам угодить и понравиться. При чем получается у них это естественно, непринужденно, без лебезения и подобострастия. В итоге иностранцу на Мадейре приятно и выгодно. И проблем с общением не возникает. Из языков наиболее распространен английский, что не удивительно, учитывая многовековые исторические связи с Альбионом. Один англичанин, подвыпив, даже шепотом сказал мне: «Мадейра была веками негласной английской колонией, только ш-шш! не вздумайте повторить это вслух!» Вслух действительно лучше не надо.

Но, как и положено туристическому центру, Мадейра – полиглот. В сервисе говорят на множестве языков. Недостаточным считается владеть одним лишь английским. Не устаю восхищаться, слушая, как легко и непринужденно водители микроавтобусов, проводя экскурсии, мгновенно переходят с английского на французский, а потом на немецкий. Например, наш парикмахер Мелоди мало того, что классный мастер и вдобавок красotka, посмотреть приятно, так еще трехязычна. Португальский и французский у нее родные, но и английским она, прожив несколько лет в Канаде, владеет в совершенстве. Но вообще я знаю одного петербуржца, который объяснялся с местными исключительно по-русски, слегка помогая себе жестами. И ничего, не пропал. Прекрасно себя здесь чувствовал.

Глава 3. Сад, поднявшийся из океана

В конце февраля на Мадейре начинается условная «весна» – на некоторых деревьях распускаются почки, на углу улиц Руа до Жашминейру и Кальсада да Кабукейра распространяется сильнейший цветочный дух. Он показался нам знакомым, похожим на знакомый с детства запах черемухи... Решаем провести расследование – что же это так славно благоухает?

Все-таки это оказывается белый жасмин, несколько кустов которого растут на территории самой богатой виллы нашей улицы, кинты «Диаш». Внутрь, на территорию, не проникнуть, но запах за забором не спрячешь! Так что правильно называется наша улица...

Постепенно привыкаешь и не видишь больше уже ничего особенного в том, какая растительность соседствует на нашей Жасминной, да и других улицах. Совершенно запросто: всевозможные пальмы – и низкие, и высокие, и худые, и толстые, и с пузатым грушевидным стволом... Здесь же кусты роз и всевозможные кактусы, и в то же время – лиственные и даже вечнозеленые хвойные деревья, и все утопает (звучит банально, но точнее не скажешь) в ярких цветах всевозможных оттенков. Только начнут осыпаться одни, как уже расцветают другие. Темно-красная бугенвиллея оплетает заборы вилл. Улица полна ботанических неожиданностей: например, прямо из асфальта, прижавшись к каменному забору, растет высокий, многоствольный кустарник, практически уже дерево. Большие желтые вытянутые цветы, похожие на продолговатые колокола, смотрящие раструбами вниз – несколько десятков – усыпали ветви. Красота невероятная. Это – «бругмансия древовидная». Звучит скучновато, но по ассоциации с оригинальной формой цветков почти на всех языках ее называют «трубой», причем не простой, а ангельской. Trombeteira – по-португальски, Angel's Trumpet – по-английски. И лучше всего по-французски: Trompette du Judgement Dernier, то есть «Труба Судного дня». Как выясняется, растение ядовито, причем опасные для человека элементы содержатся во всех его частях, включая великолепно-торжественные цветы. Они богаты алкалоидами, скополамином, атропином и бог еще его знает, чем еще. В минимальных количествах извлеченные из него вещества могут давать седативный эффект, служить успокоительными и обезболивающими средствами. Но чуть превысишь дозу – и получишь обратный результат: резкое учащение сердцебиения, расширение зрачков, галлюцинации и даже паралич. В общем, интересный контраст между внешней красотой и внутренним содержанием. И парадокс: как это может расти из асфальта?

Кондоминиум, в котором мы живем, называется «Дворец пальм». В центре уютного двора (так и тянет посидеть на скамеечке) стоит, словно символ, словно памятник, оливковое дерево, которое почему-то кажется здесь удивительно значительным. Даже небольшие прожекторы по вечерам и ночам подсвечивают его снизу. Я поинтересовался: откуда такой пиетет к достаточно обыкновенному растению? Оказывается, для благодатной Мадейры оно почему-то редкость. Облагороженные, культурные разновидности встречаются только на юго-востоке острова, в Канисале: там вызревают оливки, но почему-то мелкие и горьковатые на вкус. Дикие же кусты растут на труднодоступных склонах гор.

Наше оливковое дерево еще молодое и потому стройное. Ему далеко до разлапистого чудища, встречающего вас около гостиницы «Royal Savoy». Висящая на чудище табличка сообщает, что оно было посажено римлянами примерно в 300 году до нашей эры... Не на острове, конечно, а в континентальной Португалии, но настал момент, когда исторические кусты оказались под угрозой затопления, и их со всякими предосторожностями перевезли на Мадейру... Еще несколько экземпляров из той же серии можно наблюдать в Тропическом саду в районе Монте.

Таких древностей в нашем кондоминиуме нет, зато хороши кусты роз и, разумеется, много всевозможных пальм. Тут же и кактусы-опунции, и темно-красные густые щетки каллистемона. Англичане называют этот кустарник Bottlebrush, «ершик для чистки бутылок». Его цветы действительно напоминают формой сие кухонное приспособление, но роскошный темно-красный цвет придает ему праздничную нарядность. По-русски он зовется краснотычиночником – название это, может, и соответствует внешности (действительно, длиннющие красные тычинки – его отличительная черта), но звучит как-то до обидного неэстетично. А ведь так красиво!

Внутри кондоминиума, метрах в семи от двери, ведущей в наш корпус – завлекательный голубой бассейн, окруженный не только лежаками для купающихся и загорающих, но и мощными зарослями вьющегося вдоль каменной стены ярко-красного гибискуса с его вызывающе эротичными тычинками и пестиками. Есть и толстая степенная пальма, прижавшаяся к той же стене. С противоположной стороны наша просторная лоджия смотрит в широкий и глубокий сад с лимонными и апельсиновыми деревьями и совсем другими высокими и тонкоствольными пальмами, отгородившими нашу территорию от соседей – Духовной семинарии Мадейры. Оттуда пару раз в неделю слышатся яростные крики и звуки ударов мяча: будущие падре носятся по своей спортплощадке, как оглашенные, отдавая футболу нерасстраченную сексуальную энергию и мешая спать маленьким детям. А потом, на ночь глядя, оттуда же доносятся негромкие, стройные голоса; слушатели бредут по аллеям и хором, нараспев, повторяют слова молитвы; сквозь ряды пальм мы видим только плавно движущиеся тени, точно призраки из мистического фильма...

Но есть одна странная, загадочная пальма, стоящая напротив нашего балкона. Стройная, высоченная красавица, она, что называется, господствует над местностью. Тайна вот в чем: ствол ее заключен, словно в защитный костюм, в тонкий цементный панцирь, над которым взвивается в небо мощная, гордая крона ярко-зеленых пальмовых листьев. Просто сюр какой-то... Долго мы гадали: что бы это могло значить? Показывали португальским друзьям, те тоже разводили руками. Или высказывали робкие гипотезы. Может быть, ствол получил повреждения и пришлось дерево спасти? Бывает же с людьми, что из-за травмы позвоночника приходится им в корсете всю жизнь ходить. Может быть, и тут что-то в этом роде? Один приятель предположил, что пальма стала жертвой паразитических микроорганизмов, завезенных на остров с африканского континента, откуда на Мадейру пришло множество растений.

Но как-то заловил я во дворе инженера кондоминиума и задал ему вопрос: от какой напасти спасает нашу пальму цементный корсет? Ну и повеселился же он! Оказывается, нет никакой напасти, как нет и пальмы. Это искусственное сооружение. Листья кроны – ловкая, красиво выполненная подделка. В цементном теле спрятана башня мобильной телефонной связи. А в искусственной кроне – антенна.

Коммуникационная компания пыталась договориться с окрестными домами, чтобы получить разрешение поставить свою башню на какой-нибудь крыше. Но получили категорический отказ со всех сторон. Тогда договорились с семинарией, и за хорошие деньги решили поставить объект на парковой территории. Но было выдвинуто условие: сооружение не должно нарушать красоту ландшафта, должно быть скрыто от глаз, замаскировано под окружающую среду. Так появилась наша таинственная пальма. Ни за что бы не догадались. Не знали, что такое возможно!

За воротами кондоминиума, на противоположной стороне Жасминной улицы, высится жакаранда – уж это дерево не подделаешь! Она будто окрашивает всю улицу в свой невероятный нежно-фиолетовый цвет. Пик цветения приходится на февраль, а в мае цветы жакаранды начинают опадать и под ногами расстилается фиолетовый лепестковый ковер. Как-то даже неловко наступать на такую красоту... Такие же ковры покрывают тротуары и мно-

гих других соседних улиц. Это дерево сыграло такую роль в истории Мадейры, так сильно изменило облик ее столицы, что в анналы вошла даже точная дата, когда на самой центральной улице города – Авениде де Арриага – появились первые саженцы. Это случилось 21 января 1916 года. Португалия участвовала в войне (на стороне Антанты, разумеется), правда, основные испытания были еще впереди. В конце того же года, в декабре 1916-го, Фуншалу досталось от немецкой подлодки, потопившей три корабля в городской бухте, а потом принявшейся стрелять прямой наводкой по городу. Один снаряд угодил в церковь Санта-Клара.

Население нервничало, худо было с экономикой, потерявшей и покупателей мадеры, и отдыхающих, и туристов. И вот в такой момент мадерьянцы получили в качестве моральной поддержки чудесный подарок из братской Бразилии... С тех пор Фуншал несколько месяцев в году – нежно-фиолетовый город, теперь он немыслим без жакаранды. Но у нас, на нашей Жасминной, гордо стоит другое, самое любимое мое дерево – бишнагуейра, оно же спатодея или африканский тюльпан (у него почему-то много разных имен). При ближайшем рассмотрении выяснилось, что там, за оградой соседнего двора, даже два, а не один ствол этого дерева, но кроны их будто соединяются в одну. Ветви этой сдвоенной кроны усыпаны пылающими оранжевыми огнями: они полыхали всю зиму, радуя глаз. Каждый раз, проходя мимо, я просто не мог не остановиться, не полюбоваться на это чудо. Но вот с приближением лета лепестки полетели вниз, образуя свой оранжевый и постепенно темнеющий толстый ковер на земле.

Но не всем же дано быть красавцами. На нашей же улице, на территории еще одной кинты, у самого забора растет дерево, которое некоторые считают уродом, хотя мне кажется, что оно не лишено своеобразного обаяния, пусть даже и немного зловещего. У него остролистная крона, гордо возвышающаяся над оградой. Это местная знаменитость – драконово дерево.

Одна из версий открытия и освоения архипелага Мадейра гласит, что поначалу он заинтересовал Португалию в XV веке именно из-за обилия таких деревьев. Они в те времена были источником ценного красителя, в котором остро нуждались и мебельщики, и текстильщики. Надрежешь ствол – и потечет похожая на темно-красную кровь смола. «Кровь дракона».

Согласно преданию, где-то в Аравии в стародавние времена обитал свирепый дракон, пивший слоновью кровь. Но однажды он не справился со старым могучим слоном и погиб, правда, и слон не выжил. Их кровь смешалась и оросила землю. И вот в этом месте выросло странное дерево.

Нет, право слово, даже на Мадейре, где уже перестаешь удивляться ботаническим чудесам, это дерево все же поражает воображение. Во-первых, оно – дальний родственник, как это ни парадоксально, любимой мною спаржи. (Ох, как вкусен спаржевый суп! Португальцы великолепно его готовят, и прекрасный его вариант продается в местных магазинах – не разводимый, а сваренный, в крепких пакетах.) Во-вторых, оно долго живет и очень медленно растет. В-третьих, в течение жизни драконова дерева с ним происходит немало чудесных преобразований. В какой-то момент появляется кисть белых цветков, напоминающих цветки лилии, с ярко выраженным приятным ароматом. Но это все еще цветочки, которые оборачиваются яркими коралловыми ягодами. Позднее пахучая и яркая «спаржа» начинает наконец превращаться в дерево! Лет 10–15 проходит, пока тоненький стебель не станет стволом. От него отделяются и растут ветви, от тех – новые... В итоге может вырасти что-то огромное, до 20 метров в высоту, с «зонтиком» из ветвей, с плотными пучками чрезвычайно густых, узких, серовато-зеленых, очень острых листьев.

Наш дракончик на Жашминейру еще совсем молоденький, всего лишь два с половиной метра в высоту, но у него уже достаточно мощные голые ветки, толще руки культуриста... Уже есть в нем что-то от юного слоненка. И он уже налился, наполнился своей черной дра-

коньей кровью, которую, к счастью, теперь уже не требуют производители мебели и одежды. Никто не кромсает наше дерево.

Его посадили здесь не так давно. А вот старинных, дикорастущих драконовых деревьев на острове больше не осталось. Два последних в районе Рибейру Браву были уничтожены в феврале 2010 года, когда вышли из берегов обычно такие скромные мадерьянские ручьи-реки, смывая все, что попадалось на дороге – и дома, и рощи, и сады. Вот и драконовые деревья, росшие здесь с незапамятных времен, погибли, прожив на свете всего-то каких-нибудь пятьсот годков. По преданию, срок их жизни может измеряться и тысячами лет, хотя ученые и ставят это под сомнение.

Еще одно молодое драконово дерево произрастает посреди открытого кафе «Атенау» (Athenau) – на улице с неожиданным названием Rua dos Netos, что значит «улица Внуков»... Это одно из самых милых, уютных кафе в городе, где на это звание могут претендовать многие. Но все же оно выделяется. Устроено на историческом месте, между стенами старинных дорогих кинт. Вы попадаете сразу в открытый просторный двор-сад, который когда-то усаждал какую-нибудь местную знать. Столы стоят на свежем воздухе, но под деревянными навесами ощущение, что вы – на очень уютной даче, с той разницей, что вокруг – дышащие историей дома. Фирменный продукт «Атенау» – горячие пончики, которые по утрам пекут тут же, у вас на глазах, и подают к кофе. Они тают во рту и, на мой вкус, гораздо интереснее и тоньше, чем их российские, английские или американские аналоги. Кое-кому из местной интеллигенции эти пончики с кофе служат завтраком.

А посреди двора – тот самый юный дракончик. Можно подойти, рассмотреть его с близкого расстояния и даже потрогать странный гладкий ствол... Говорят, он может иногда ответить на прикосновение: вдруг что-то будто дрогнет под рукой, какой-то ощутите внутренний толчок, сотрясение или мягкое покалывание, как от контакта с не слишком мощной электрической батареей. И вот тогда нужно быстро, не задумываясь, прошептать сокровенное желание: оно может сбыться. Только никто другой, кроме драконового дерева, не должен вас слышать...

Мадейра – это край, где вдоль горных троп и оросительных каналов – левад – вместо подорожника и лопухов растут каллы и орхидеи. Когда я впервые увидел белоснежные изящнейшие чашечки, то просто не поверил своим глазам. Но здесь можно увидеть много невероятного. Невольно вспоминается Гончаров с его «жадным взглядом», который не знает, куда ему устремиться.

Но вот парадокс: на этом острове – клумбе посреди океана, утопающей в ярких экзотических цветах, – старушки продают на углах букетики ошипанной пожухлой ромашки, которая растет где-то в горах... Продают по пять евро букетик (правда, отдадут и за три, если поторговаться) – безумно дорого по местным понятиям, просто как нечто невероятно роскошное... При этом цветок стрелиции, своей экзотической формой и ярким красно-оранжевым «оперением» напоминающей сказочную жар-птицу, стоит в супермаркетах 50 центов, а на деревенских рыночках – и того дешевле...

Глава 4. Приключения на дороге в Фуншал

На Мадейре маленький и очень уютный аэропорт. Чаще всего самолет останавливается метрах в тридцати от здания аэровокзала. Сошел с трапа и пешком, вдыхая удивительный воздух, дивясь ласковому солнцу и волшебным запахам, – внутрь, к паспортному контролю (это если прилетел из Англии; лиссабонские пассажиры идут прямо в багажный зал). Минут пятнадцать на все не утомительные формальности и получение чемодана, и вот ты уже садишься в такси. Поездка в любой конец Фуншала обойдется вам в тридцать евро, а если поторгуетесь, то и двадцать пять. Можно с комфортом доехать и на автобусе-экспрессе всего за пятерку. Удобно, что он провезет вас насквозь через весь Фуншал – с востока на запад – и вы можете сойти где угодно. Ходит он достаточно часто, примерно раз в час. Конечно, когда живешь здесь долго, то обрастаешь всевозможными контактами, появляются знакомые шоферы, почти друзья. Одно время в нашей семье таким водителем был высокий, видный парень, косая сажень в плечах, назовем его условно Леу¹ (сокращение от Леонарда). Был он на все руки мастер, бывший спецназовец, к тому же автогонщик. Служа в натовских войсках, блестяще овладел английским, был, казалось мне, бесконечно силен и невозмутим, как скала. И очень, прямо-таки в немецком стиле, обязателен, корректен и неизменно пунктуален.

Поэтому я не знал, что и думать, когда однажды Леу встретил меня в аэропорту неприветливо. То есть он почти не обращал на меня внимания, был поглощен разговором по мобильному. Едва кивнув мне, схватил мой чемодан и рванул к машине, я еле за ним поспевал. «Что происходит?» – хотел я его спросить, но ему было не до моих вопросов.

Поглощенный разговором, он, кажется, забыл, что осуществляет пассажирскую перевозку, а не участвует в ралли.

Дорога из аэропорта, нет слов, великолепна, но все же это горный край, а значит, здесь хватает крутых поворотов, туннелей и прочего. Не самая простая трасса, если устраивать на ней гонки. Но Леу на этот раз устроил. Непонятно только было, с кем он соревнуется.

Что-то внутри него творилось невероятное, что-то там кипело, рвалось наружу, и он выбрасывал эту черную энергию на дорогу, швыряя автомобиль в один крутой вираж за другим... а я, пристегнувшись поплотнее, прощался потихоньку с жизнью, но невольно слушал, что Леу говорит в свой мобильник. А говорил он вещи удивительные. То очень тихо, так что я еле разбирал слова, то переходя на сдавленный крик.

«Ты играешь мной. А я не игрушка!» – сипел он в трубку яростно, и машина подпрыгивала на дороге в такт его словам.

«Так не может продолжаться. Не может, не может, не может!» – выкрикивал он, яростно сжимая руль, словно душил кого-то от ревности, и мы пулей влетали в очередной туннель.

Домчались за десять минут вместо восемнадцати. Телефонный разговор как раз завершился. И в конце ярость вдруг ушла. Леу спокойно спрашивал свою собеседницу, когда и где они встретятся, а та отвечала что-то такое утешительное.

Я чувствовал себя неловко: оказался помимо своей воли свидетелем острого объяснения между влюбленным и очень ревнивым мужчиной и какой-то, наверное, очень красивой, потрясающей, роковой женщиной. Объяснения настолько острого, что Леу, кажется, просто забыл о моем существовании. И о том, что я неплохо понимаю английский язык.

Еще больше я сконфузился от того, что вдруг, в самом конце, невольно догадался, кто была та женщина.

¹ Некоторые имена и фамилии изменены.

Мадейра – это большая деревня. Не так много здесь таких – красивых и роковых. И при этом англоязычных. Таких, по которым может сходить с ума гонщик и супермен, такой «настоящий полковник», как Леу. Да еще и география сыграла роль – он упомянул район, в котором работает объект страсти. По этой и другим мелким деталям разговора я вдруг понял, что на другом конце тяжелого объяснения – наша подруга, ирландка Ким.

Возраст берет свое, но и сейчас она – очень привлекательная женщина. А несколько лет назад была просто неотразима. Вдобавок очень необычной для местных краев внешности: экзотический, особый, странный цветок среди местного буйства красок. Каштановые волосы, огромные фиолетовые глаза. Впрочем, это мне они кажутся фиолетовыми. А моя жена утверждает, что они – темно-темно-синие. Удивительного, редкого цвета, каким бывает иногда океан. «Да, да, это цвет океана!» – настаивает жена. Но готова согласиться, что глаз такого цвета она в жизни не видала. И даже сквозь зубы признает, что вообще Ким очень даже недурна собой.

Ну, а по моему мнению, она и вовсе красавица. И за улыбчивым фасадом – скрытая, но внимательному наблюдателю все же заметная вечная печаль в этих океанских глазах. Мне иногда казалось в те времена, что пол-острова в нее влюблено.

У Ким, между прочим, неплохо складывалась карьера в ее родной Северной Ирландии, она работала там на Би-би-си (так что мы с ней бывшие коллеги). Но что-то трагическое случилось, кажется, погиб любимый человек, которого она так и не смогла забыть. Жизнь разбилась на осколки, и она их собрала кое-как и попыталась что-то из них слепить – вдали от дождливой Ирландии, на Мадейре. Думала, что солнце поможет чему-то срастись.

И в какой-то мере помогло. Ким обожает Мадейру и ни за что не хочет возвращаться в Ирландию. «Это совершенно особый образ жизни, красивый, легкий, с ним ничто не может сравниться. Когда к нему привыкаешь, отказаться от него – невозможно», – говорит она.

У нее двое замечательных детей, так что нельзя сказать, что личная жизнь совсем не удалась.

Тогда, вскоре после той достопамятной поездки из аэропорта, они с Леу пришли к нам в гости, и нам показалось, что оба счастливы и спокойны. Потом Леу открыл бар, где мы пили поншу и ели вкусные пирожки с креветками – импады. Мы были счастливы за эту пару. Но потом что-то сломалось.

В следующий раз, когда я увидел Ким, она смотрела странно, устало, будто постарела. Не сразу смогла сосредоточиться на моем вопросе и вдруг сказала: «Я поняла, что мне никто не нужен. Мне хорошо одной. Есть дети, есть друзья. Есть Мадейра», – и обвела рукой вокруг себя – зачем еще сложные личные отношения выстраивать, зачем мучиться, приспособливаться к чужому человеку, когда вокруг такая красота?

Но через пару лет затянулись душевные раны и, кажется (где тут деревяшка, мадейра какая-нибудь, чтобы по ней постучать?), нашла себе Ким наконец партнера, с которым ей хорошо и свободно. Тоже португалец, служит менеджером в одном из крупнейших отелей. Так что все не так плохо.

У нас есть такой ритуал: когда мы идем на запад, например, обедать в «Форум», то если есть пара минут, заходим по дороге в ее контору – поведать Ким.

Она работает в небольшом туристическом агентстве, которое называется «Book-it-here». Находится оно в замечательном месте: с него 14 лет назад начался наш любовный роман с Мадейрой, именно здесь мы стояли в апреле 2000 года, озадаченно оглядываясь по сторонам. Пытаясь понять, что за остров такой нереальный, и как могут в такой голливудской картинке существовать обычные люди из плоти и крови, и каковы могут быть правила такого существования.

Здесь пересекаются важнейшие магистрали мадерьянской столицы. Во-первых, вверх, на север, в горы ведет проспект, названный в честь «португальского Пушкина» (или все-таки

Шекспира?) Авенидой Луиша Камозенса. Я ниже скажу еще несколько слов об этом португальском гении и его отношении к Мадейре, но сначала – о других направлениях движения от моего любимого перекрестка. Вниз, на юг, через Rua Carvalho Araújo – спуск к океану, в порт, на главную набережную города и острова – местный Морской проспект (Avenida do Mar). Налево – если стоять лицом к морю и спиной к горам – Avenida do Infante, проспект Инфанта, названный так в честь самой культовой личности острова – Генриха (Энрике) Мореплавателя. И, наконец, направо – Estrada Monumental, более современная часть Фуншала, где больше всего дорогих, шикарных гостиниц и ресторанов, а также легендарный пляж Прайя Формоза. И посреди этого всего, помимо заведения нашей подруги Ким, нечто особенно для меня важное: Ponte do Ribeiro Seco, Мост через Сухой Ручей.

На Мадейре бесчисленное количество так называемых мирадуруш (miradouros) – смотровых площадок, с которых открываются всевозможные завораживающие виды. Но Мост через Сухой Ручей – это как первая любовь. С него я впервые увидел, как выглядит на фоне синего-синего океана и неба покрытое бархатной зеленью глубокое, как пропасть, ущелье с высохшим речным руслом, с могучими пальмами на отрогах и волшебным розовым замком на скале. Только что прилетев из дождливой Англии, из-под серого низкого неба, я застыл, загнипнотизированный, заколдованный, на этом мосту. И потом десятки раз на нем останавливался, и все смотрел и смотрел на океан, и замок, и ущелье и никак не мог избавиться от ощущения, что вижу какой-то необыкновенный фильм, оказавшись по другую сторону экрана, внутри сказки.

Между тем вокруг было еще много чего красивого. Например, на углу проспектов Камозенса и Инфанта – дивное многоэтажное здание в итальянском стиле, золотисто-желтое, с нарядными, обведенными фиолетовым камнем окнами. Это местная консерватория. То есть по нашим понятиям что-то вроде музыкального училища пополам с институтом культуры. Там работает довольно много выходцев из России и Украины, а также из Армении.

Напротив консерватории – на другой стороне Инфанта – двухэтажный корпус, в котором разместилось несколько ресторанов, пара ночных клубов, пункт проката автомобилей, туристические агентства «Book-it-here» и «Fiesta Tour» (последнее специализируется на обслуживании русских туристов). Здесь же – мой первый мадерьянский ресторан – «Villa Caffé». Мы пошли туда ужинать с женой в тот первый день в апреле 2000 года. Но и четырнадцать лет спустя главное фирменное блюдо здесь – филе рыбы Эшпады в тончайшей панировке из сушеных оливок. (Об этой знаменитой рыбе еще немало будет сказано дальше, я не случайно пишу ее название с большой буквы.)

Помню, будто это было вчера: учтивый официант с бархатным голосом принес разливное светлое пиво «Coral» в красивом широком бокале и подал закуску – оливки, маринованные с травами и чесноком, и они показались мне сначала просто очень вкусными. А потом – божественными.

Мимо этого ресторана по узенькой и совсем коротенькой улочке Rua do Favila, мимо знаменитого среди местных экспатов «Паба Номер Два» (номера один не существует) вы выйдете к необычно высокой для Фуншала башне – это отель «Пештана Карлтон», в котором мы не раз останавливались. Это очень хорошая гостиница. А если от «Карлтона» спуститься вниз всего каких-нибудь метров тридцать по ведущей к морю Rua Carvalho Araújo, то окажетесь перед еще одним отличным отелем, с которым еще теснее связана наша жизнь, – он называется «Роял Савой» (Royal Savoy).

Но подробнее об отелях – в отдельной (отельной?) главе. А пока пора вернуться на проспект Камозенса.

Он с обеих сторон обсажен эффектными типуанами и бишнагуейрами. Но при этом не особенно примечателен своей архитектурой, он – проспект-работяга, транспортная артерия. По нему едут к главной городской больнице. Оттуда дороги ведут в районы Баррейруш

(там стадион) и Сан-Мартинью, через который лежит путь не только к крупнейшему торговому центру острова «Madeira Shopping», но и к горной вершине Pico dos Barcelos, откуда, с высоты в 355 метров, открывается один из лучших видов на Фуншал и острова Дезерташ.

В Португалии и на Мадейре – настоящий культ Камозэнса. Ему посвящен один из главных национальных праздников, красный день календаря – 10 июня. Но вот что может показаться странным – ведь это день смерти, а не рождения поэта. Но логика такого подхода такова: когда Камозэнс родился, он был обыкновенным голым младенцем, который только и мог, что бессмысленно кричать и плакать. Когда он умирал, рыдала страна, терявшая национального гения.

Ну и к тому же точный день его рождения неизвестен. Как ни бились историки, как ни копались в архивах, но так и не смогли его установить. Вот и приходится праздновать день смерти...

Мадейру классик назвал «великим островом», который «хоть и не славен именем», но все же «знаменит», имея в виду, что буквальное значение названия острова действительно звучит как-то уж слишком прозаично. Как-то не вяжется рай земной с какой-то там «древесиной». Но «не в имени дело», хотел сказать Камозэнс, остров так «великолепен», что Венера, «...если бы он принадлежал ей... забыла бы про свои Кипр, Пафос, Книд и Киферу».

Налево, на восток от моего перекрестка, идет другой, еще более важный проспект города – Avenida do Infante, проспект Инфанта.

Сама улица очень красивая, со стройными строгими деревьями по обе стороны, с широкими тротуарами, вымощенными мозаикой аккуратных черных и белых камушков, с изумительными особнячками с левой стороны (если смотреть на восток, в сторону центра) и современными, но тоже элегантными зданиями по правую. Авенида-до-Инфанте – это этакий фуншалский бродвей, по которому торжественно прогуливаются курортники, направляясь в самый знаменитый городской парк Святой Катарины, Santa Catarina (совершенно замечательный, о нем речь впереди).

Но что же это такое – Инфант? Во-первых, сам титул в Португальском королевстве присваивался законным детям монарха, не наследующим трон. Во-вторых, на Мадейре под этим словом имеется в виду один конкретный человек, прозванный Мореплавателем и сыгравший исключительную роль в мировой истории и особенно в истории своей страны. Без него Португалия могла бы стать совсем иной, а Мадейры в современном ее виде, скорее всего, не было бы вообще.

Инфант Энрике (Генрих) был наполовину англичанин: его мать, королева Филиппа, воспитанница Чосера, считалась самой образованной женщиной своего времени. Ее брак с королем Жоао (Жуаном) I заложил прочную основу англо-португальского союза, который продлился до наших дней и, помимо всего прочего, обеспечил Британию и США важнейшими базами на Азорских островах во время Второй мировой войны. Сам же Генрих Мореплаватель был идейным вдохновителем и организатором португальских морских экспедиций, положивших начало эре Великих географических открытий. Именно он стоял за упорными попытками открыть морской путь вокруг Африки в Индию, а заодно и за колонизацией Мадейры. К нему апеллировал Жоао (Жуан) Гонсалвеш Зарку, предложивший поднять португальский флаг над Мадейрой и начать освоение архипелага. И получил с его стороны всемерную поддержку, без которой все могло сложиться иначе: Мадейра (страшно подумать!) могла бы стать испанской.

Немудрено, что Генрих Мореплаватель – совершенно особенная, культовая фигура на Мадейре, все равно что Петр I для России. А может, даже и нечто большее.

Ну и, наконец, посмотрим направо, на запад. От Моста через Сухой Ручей начинается проспект Эстрада Монументал. Он был построен вслед за мостом только в середине XIX века. До этого город здесь кончался. Но вскоре на скале, высящейся над океаном, и над

Сухим Ручьем вырастет сказочный замок – он же по совместительству самый дорогой отель всего острова – «Ридз». Когда-то он строился в ближнем пригороде, а теперь вот оказался чуть ли не в центре столицы...

Глава 5. Фуншал

«Фуншу» по-португальски – «фенхель», он же укроп аптечный или волошский. Ну а Фуншал – это, значит, место, где растет этот самый дикий укроп с привкусом аниса. И с сильным характерным запахом (его-то вроде бы и почувствовали высадившиеся здесь в XV веке португальские моряки). Таким образом, столица Мадейры – тезка греческого города Марафон, поскольку это слово у древних греков означало ровно то же самое.

Сегодня фенхель продается на рынке и в овощных лавках как не слишком дешевая приправа, например, для запеченной или сваренной рыбы. А холмов, поросших фуншу, вы уже не увидите и характерного запаха фенхеля в воздухе не почувствуете. Одно название осталось.

Но столицей Мадейры Фуншал стал, конечно, вовсе не за укропные богатства, а из-за широкой прибрежной полосы у подножия гор и природной морской бухты, которую, правда, пришлось еще совершенствовать, достраивать, защищать от океана. Только в XX веке стало, наконец, безопасно подходить вплотную к пирсам, а до этого приходилось бросать якорь на значительном расстоянии от берега, в море, а пассажиры и грузы доставлялись на сушу только на шлюпках да яликах или еще более необычным образом...

Художника Алексея Боголюбова, посетившего Мадейру и Фуншал в середине XIX века, поразила не только красота природы, но и нигде больше им не виденные нравы. «Но что это за дивный край! И какая тут своеобразная жизнь человека. Тотчас же нас окружили мириады лодок, лодочек и пловцов со всяким продовольствием. Фуншалцы и их женщины плавают, как утки. Случалось видеть людей, проводивших шесть и восемь часов на воде без отдыха. После даже почта наша делалась посредством этих одиночек. Пловец клал письмо в свою остроконечную шапочку и доставлял его цело и невредимо по назначению. Нырjali они тоже превосходно», – писал он, вспоминая путешествие, совершенное в 1849 году на борту корабля «Камчатка».

За полтора с лишним века город и бухта преобразились. Жаль только, что плавать «как утки» фуншалцы сегодня уже разучились, в этом искусстве нет больше нужды, поскольку суда входят теперь в хорошо защищенную от ветров бухту, а не стоят на дальних рейдах.

Сегодня с моря Фуншал выглядит еще наряднее, чем прежде. Еще ярче сияют на фоне изумрудной зелени и пронзительной голубизны океана и неба белоснежные и цветные домики с красными крышами, сбегаящие с холмов к морю, – это почти сексуальное зрительное наслаждение. И горы кажутся рассеянными в гигантском амфитеатре великанами, и сверкают в солнечных лучах на зелено-голубом фоне бесчисленные сады и парки.

Фуншал был первым городом, построенным португальцами в Атлантике за пределами континентальной Европы. Веками служил он морскими воротами, важнейшим грузовым портом Мадейры, но в 2007 году эта роль перешла к городу Канисалу на юго-восточной оконечности острова. Теперь же в столичную бухту заходят только пассажирские теплоходы да огромные круизные лайнеры, в том числе такие гиганты, как «Queen Mary 2», и редкий день выпадает, когда вы не увидите на городских улицах группы лениво озирающихся по сторонам, закармливаемых до отупения круизников. Их возят в огромных сверкающих автобусах, пасут большими плохо управляемыми стадами, гоня от одной достопримечательности к другой. Самые спортивные садятся на велосипеды и катаются по острову за своим велоэкскурсоводом. В последнее время пошла мода выдавать желающим одноколесные электро-самокаты, и небольшие группы разъезжают гуськом стоя – забавное и еще не совсем привычное зрелище. Из порта каждое утро в восемь утра отходит паром на остров – спутник Мадейры – Порту-Санту. Два с небольшим часа – и знаменитый девятикилометровый целебный пляж золотого песка – у ваших ног. Вернее – *под* вашими ногами! Путь в порт лежит

через первую из трех основных магистралей Фуншала – Авениду-до-Мар – Морской проспект.

Вообще, хочу попытаться нарисовать мысленную, очень упрощенную схему города, исходя из того, что именно важнее всего понять в его устройстве новичку. Итак, сглаживая углы, слегка искажая для простоты топографию, отвлекаясь от паутины переулков, закоулков, тупичков в историческом центре и в Старом городе, рисую.

Город зажат между морем и горами, его пересекают четыре реки, вернее, три ручья на дне ущелий и одно высохшее русло (тот самый Сухой Ручей, Ribeiro Seco). Эти четыре русла, как четыре линии, перпендикулярные берегу океана, в свою очередь перечеркнуты тремя главными проспектами, которые сходятся к моему любимому мосту.

Самый центральный проспект проходит через весь город насквозь, с востока на запад, трижды меняя имя. Сначала – в историческом центре – он называется Авенида Арриага (Avenida Arriaga). Потом Арриага превращается в уже знакомый нам проспект Инфанта – Avenida do Infante, и, наконец, после моста центральный проспект города обретает третье название – Estrada Monumental, Монументальный проспект. И все это на самом деле один и тот же проспект, ось, на которую «нанизан» весь город. Его практически невозможно миновать, живя или даже просто отдыхая на Мадейре. Больше половины адресов, которые вам могут понадобиться – в одной из трех составных частей этого единого целого.

От проспекта Арриага рукой подать до берега океана в одну сторону (вниз) и до муниципальной площади – в другую (вверх). Здесь расположены главные бутики и лучшие (по крайней мере, самые дорогие) кафе города.

Ирония судьбы: первый президент Португалии Мануэль де Арриага, давший проспекту свое имя, был скромнягой, практически аскетом. Несколько раз избирался он в португальский парламент от Мадейры, а потом, после свержения монархии, стал самым первым президентом республики. Но, даже живя в Лиссабонском дворце, он из своего кармана оплачивал транспортные расходы, а секретарем президента – на общественных началах, бесплатно – трудился его сын. А уж о бутиках и роскошных магазинах он даже не помышлял. Наверное, расхохотался бы, если бы кто-нибудь предположил, что его имя будет когда-нибудь хоть как-то ассоциироваться с чем-то подобным... Но неисповедимы пути...

Вторая часть центральной магистрали города – та самая Авенида-до-Инфанте, названная в честь того самого знаменитого принца. Дон Энрике не мог претендовать на трон, и в его случае, может, оно было и к лучшему. Свободный от бремени высшей власти и борьбы за нее, он мог полностью сосредоточиться на организации морских экспедиций, создании флота и морской академии в Сагреше, разработке новых корабельных конструкций, приборов и так далее.

Мрачно-торжественный памятник принцу-мореплователю стоит на площади его имени, соединяющей, точно два звена одной цепи, два проспекта – Инфанте и Арриага. От памятника вверх идут каменные ступеньки, а через широко распахнутые ворота в высокой ограде – вход в парк Святой Катарини (внимание: парк закрывается с наступлением сумерек!). Оттуда открывается сногшибательный вид на фуншалскую бухту. Налево от ворот вы увидите крохотную очаровательную часовню и рядом с нею – памятник Христофору Колумбу. Первооткрыватель Америки изображен здесь не случайно, он девять лет прожил в Португалии, в основном на острове – спутнике Мадейры – Порту-Санту. Был он женат на дочери его первого правителя Бартоломео Перестрелло. Злые языки говорят: брак был по расчету, мечтавший о далеких морских путешествиях юноша хотел через жену добраться до уникальных карт тестя... Но и здесь, в Фуншале, Колумб бывал, вполне вероятно, молился именно в этой часовне или, по крайней мере, в ее ранней, деревянной версии. Часовня была построена в первой половине XV века по заказу доны Конштанс, жены самого главного из «капитанов» архипелага – Жоао (Жуана) Гонсалвеша Зарку.

В парке – множество удобных скамеечек, а посреди многоцветного великолепия в пруду с фонтанами плавают лебеди и выскакивают на поверхность в поисках еды огромные сияющие красным золотом японские карпы. Покормить их старым хлебом – это своеобразный аттракцион: стоит бросить несколько кусочков в воду – и она точно закипает, столько здесь этих золотых рыбок.

Глава 6. Здесь русский дух...

Распространение наше по планете особенно заметно издалека, как пел классик. Представьте себе, самое что ни на есть главное, официальное, правительственное место на всей Мадейре исторически тесно связано с Россией. Хотя далеко не все здесь об этом догадываются.

За чудесным прудом с фонтанами и лебедями парка Святой Катарины – в глубине, в дальнем левом углу парка вы обнаружите кафе (довольно невразумительное и по местным понятиям дорогое) и большую, отличную детскую площадку: есть где порезвиться отпрыскам. И, наконец, в самой верхней, дальней своей части парк упирается в решетчатый забор, за которым можно разглядеть густую растительность и изумительную нежно-розовую виллу. Это Quinta Vigia, кинта «Вижиа» (что значит «Усадьба Наблюдения»), официальная резиденция председателя правительства Мадейры. Многие тут простоты ради именуют его президентом. Пост этот уже тридцать семь лет подряд занимает Альберту Жоао Жардим. Подходящая фамилия, кстати, для начальника «клубы в океане», ведь она означает «сад».

Здесь каждый четверг заседает правительство Автономного района Мадейра. Иногда в этом здании может ночевать и сам сеньор Жардим, или его особо почетные гости.

Между тем значительную часть XIX столетия здесь хозяйничали совсем другие обитатели – русские аристократы. Самый важный из них – зять императора Николая I, герцог Лейхтенбергский Максимилиан. (Лейхтенберги, кстати, были связаны родственными узами и с португальской королевской семьей.) С герцогом Максимилианом тут проживали и другие известные личности, в том числе его адъютант князь Петр Багратион с красавицей женой. Здесь часто бывали живописцы, ведь герцог был главой Российской академии художеств.

Среди часто заглядывавших на кинту был и Карл Брюллов, лечившийся на острове от своих хворей. Он написал здесь портрет герцога, и эта знаменитая работа долго считалась выдающимся образцом жанра. Рисовал он также и князя Багратиона, и его супругу Анну. Удивительно, но знаменитый портретист не удержался от того, чтобы не выступить и в редкой для себя роли пейзажиста. Акварельный «Пейзаж на острове Мадейра» хорошо известен и хранится в Петербурге, в Государственном Русском музее. Но вдруг нашлась картина, писанная с натуры маслом, – «Вид форта Пику на острове Мадейра». До последнего времени искусствоведы о существовании этого полотна и не подозревали. И когда оно объявилось, долго отказывались поверить в авторство, ведь Брюллов пейзажей маслом никогда не писал! Но, видно, что-то в мадерьянских ландшафтах и необыкновенные цвета неба над островом заставили художника вспомнить свой главный триумф – «Последний день Помпеи» и прославившие его неожиданные цветовые решения. Но на этот раз он писал с натуры и без всякого исторического сюжета. Несколько лет назад Третьяковская галерея купила картину у жительницы Мадейры за немалые деньги. Причем деньги эти наскребли еле-еле в последний момент; владелица картины уже теряла терпение, ей казалось, что ей морочат голову... Посол России в Португалии на полном серьезе предлагал встать перед ней на колени, уговаривая не выставлять полотно на аукцион, проявить добрую волю, дождаться, пока российское государство решит финансовую проблему. Все закончилось благополучно, но без вмешательства царя-батюшки не обошлось, и российские газеты проникновенно рассказывали, как кремлевский начальник в самый последний момент выручил российскую культуру. А без него бы ничто и никак...

Картина явно не окончена, налицо характерная для позднего Брюллова «нонфинитность». Видно, смертельно больной живописец, выполнив главную художественную задачу, не хотел тратить время и убывающие силы на прорисовку второстепенных деталей. Форт, или, точнее, крепость Пику (полное название – Fortaleza de São João Baptista do Pico), кстати,

сохранился до наших дней и поныне считается достопримечательностью Фуншала. Он принадлежит португальскому военно-морскому флоту, который устроил в крепости центр электронной связи (поэтому местные жители прозвали его «Радиопиком»), но есть и небольшой музей, открытый для публики. Теперь крепость почему-то не выглядит так зловеще, как на картине русского художника.

Памятник Брюллову – великолепный бюст, выполненный мадерьянским скульптором Луишом Пайшау, недавно установили в другом парке – муниципальном, метрах в пятистах от кинты «Вижиа».

Но давайте вернемся на кинту и на полтора века назад. Еще один выдающийся художник, любимец герцога Лейхтенбергского и большой поклонник Брюллова, Алексей Боголюбов в восторженных тонах описывал в своих мемуарах «могучую растительность» вокруг кинты. «Пальмы всякие, бананы, рисовый, яичный плод, чайное и кофейное дерева, а цветы среди них стелились красивым пестрым ковром», – вот что он там увидел.

165 лет спустя мы с женой обошли парк, чтобы сверить наши наблюдения с воспоминаниями Боголюбова. И вот что обнаружили: пальм все еще много, цветов тем более, но ни чайного, ни яичного, ни кофейного кустов не нашли. С последним все ясно: в 1882 году, лет через тридцать после пребывания герцога и его свиты на острове, здесь разразилась эпидемия. Вредитель поражал корни кофейных кустов, и вскоре все они погибли. Впрочем, растительность по-прежнему такая же «могучая»; ее так много, что чего-то мы могли и не заметить. Зато не пройдешь мимо восхитительного розария, в нем красные, бордовые, белые, желтые розы, причем мощные, крупные, сильные. Замечательная бугенвиллея – и ярко-красная, и оранжевая, и нежно-розовая, и белая. Ласково и влюбленно обвивает она все, что можно обвивать: заборы, стены, романтическую перголу. Могучее каштановое дерево, крупный куст цезальпинии (она же на местном наречии – *Flor-de-pavão*, «павлиний цветок», густо усыпанный небольшими алыми цветочками) и рядом, словно специально подобранная для контраста, *manacá-da-Serra*, тибухина, одетая в ярко-фиолетовое. И, кажется, мы впервые в жизни увидели, как растет манго. Достаточно большое дерево совершенно обыкновенного, заурядного вида... Густо-густо покрыто совсем неспелыми еще плодами, которые можно сослепу принять чуть ли не за конский каштан. Мы бы ни за что не догадались, если бы не надпись: *Mangueiro* – мангуэйру. Как красиво, однако, по-португальски звучит... Тут же сапота, но на ней плодов мы не обнаружили, говорят, они вкусны в спелом состоянии и очень похожи на хурму, но перед употреблением надо тщательно вычищать семена, которые могут вцепиться в горло своими острыми «зонтиками».

Еще в саду обитают птицы. Любезно принимавший нас помощник президента Жоао Жардима пояснил коротко и ясно: президент любит птиц... Ну, если так, то что поделаешь...

Что нас немало удивило: до какой же степени надо их любить, чтобы изо дня в день терпеть их резкие и громкие крики? Для посетителей – забава, посмотрели, послушали, повеселились и пошли по своим делам. Но работать в такой какофонии изо дня в день... Не знаю, не знаю... Наверное, не надо объяснять, как неприятно и пронзительно орут павлины. Но и два огромных, нереально красивых, ярко-голубых попугая в момент нашего визита, по крайней мере, конфликтовали не на шутку и яростно вопили на весь сад. Между тем клетки и с попугаями, и с павлинами расположены прямо напротив дальнего крыла кинты – а ведь именно там заседает правительство, и там же – рабочий кабинет господина президента...

В это крыло, впрочем, нас не пустили, мы побывали только в центральном холле, поглазели на красивую белую лестницу, ведущую на второй этаж, посидели в какой-то комнате с книжными полками, осмотрели часовню – вот ее действительно стоит посетить, очень хороши там *azulejos*, азулежуш, традиционные португальские керамические изразцы. Из этих плиток, выполненных в технике глазурованного кафеля, выложены на стенах часовни картины с замысловатыми сюжетами на библейские темы.

Пройдя сад насквозь, оставив розарий по правую и декоративные пруды с фонтанами по левую руку, выходишь на смотровую площадку, откуда открывается фантастический вид на фуншалскую гавань и море. Здесь становится понятно, что усадьба стоит над обрывом, на высоченной отвесной скале. И на самом краю – двухэтажное сооружение того же нежно-розового цвета и построенное в том же стиле, что и основное здание кинты. Это эквивалент типичной для старого Фуншала «башни наблюдения за кораблями», *avista-navios*. Любая уважающая себя купеческая семья обязательно строила в своем доме широкую надстройку, возвышавшуюся над верхним этажом. Из окон помещавшейся там комнаты можно было с комфортом наблюдать за тем, что происходит в порту, какие суда встают на рейд, а какие уходят. До сих пор старые богатые дома в Фуншале можно сразу отличить именно по такой вот «башне». Чуть более милитаризированный вариант, имеющий военное, а не гражданское предназначение, звучит так: *Torre de Vigia*, «Дозорная башня». Понятно, почему большую часть своей истории кинта содержала в своем названии это слово – *vigia*, «наблюдение». Ее владельцы явно пользовались ее уникальным расположением для того, чтобы следить за кораблями, но все же скорее с коммерческими, чем военными целями. А намек на дела военно-морские – это так, для пущего интереса. Кстати, игры в войну, в армию – типичное дело для мирной Мадейры XIX века. Функционировали даже своего рода потешные полки, проводившие парады и учения.

Но было время в XIX веке, когда усадьба носила другое имя: *Quinta Lambert*. Об этом даже официальный сайт правительства Мадейры упоминает. Так названа она была в честь графа Карла Карловича Ламберта, высокопоставленного сановника Российской империи, купившего ее в 1862 году. Впрочем, это была весьма печальная история. Будучи любимчиком Александра II, входя в его команду реформаторов, граф Ламберт имел несчастье оказаться наместником императора в Польше в момент, когда там происходили очередные волнения: поляки хотели независимости и свободы. Александр II, может быть, им в какой-то мере в душе и сочувствовал, но пойти против имперской логики и дать им эту свободу не мог. Ему хватало проблем с его внутренними реформами, которым упорно сопротивлялось российское общество. Волнения в Польше подавлялись, и довольно жестоко. Граф Ламберт, видимо, имел негласное указание эту жестокость как-то смягчить. Однажды он велел освободить из-под ареста стариков и малолеток, не согласовав это со сторонником жесткой линии губернатором Варшавы Александром Гершенцвейгом. Последний смертельно обиделся, произошел скандал со взаимными оскорблениями, такими, какие простить и оставить без последствий было невозможно. Гершенцвейг в лицо объявил Ламберта изменником, почти национал-предателем. Выход был найден самый жестокий: так называемая американская дуэль. Почему это зверство называлось именно американской, а не русской дуэлью, неизвестно: американцы о такой и не слыхали.

Это была, по большому счету, и не дуэль вовсе. Секундант завязывал узелок в одном из углов платка, противники вытягивали уголки наугад, и тот, кому доставался узел, должен был в течение суток застрелиться или отравиться. В обычной дуэли был шанс обоим дуэлянтам остаться в живых, больше половины поединков заканчивались без смертельных исходов. Американская же дуэль означала обязательный смертный приговор, вдобавок проигравший лишался, как самоубийца, церковного благословения, возможности быть похороненным в освященной земле, а, может быть, и царствия небесного. Конечно, надо было обвинить американцев в таком дьявольском изобретении.

Роковой узелок достался Гершенцвейгу. На следующее утро он дважды выстрелил в себя и умирал в течение 19 дней. Но графу Ламберту произошедшее не могло сойти с рук, ему фактически не было больше места в России. Он должен был бежать куда-нибудь – и подальше. И выбрал Мадейру, написав предварительно императору письмо с просьбой об отставке «по болезни».

Горькие сожаления и угрызения совести, судя по всему, мучили графа до конца дней, не давая насладиться ни волшебным климатом острова, ни красотой приобретенной усадьбы. Три года спустя он умер. Но кинта «Ламберт», она же «Вижиа», еще некоторое время оставалась в русских руках. Особую известность она приобрела как русский дом при богачах Ушковых, устраивавших здесь популярные балы и приемы. Барышни забирались в Torre de Vigia и с ее второго этажа высматривали, не подходит ли к Фуншалу какой-нибудь интересный корабль, несущий на своем борту офицеров, потенциальных партнеров по бальным танцам. Такое вот применение башне они нашли, совсем уже не коммерческое, а, скорее, романтическое (подробнее об этом можно прочитать в книге Жузе и Сийри Мильязеш «Мадейра: „Погреб мой гостеприимный рад мадере золотой“», Лиссабон, 2013).

В начале XX века усадьбу продали португальской семье. А в конце 70-х годов кинту приобрело правительство Мадейры. Одно время в ней функционировала главная музыкальная школа острова. Мой друг Октавиу ходил сюда на занятия, усадьбу помнит смутно, говорит, архитектура казалась интересной, но состояние здания было плачевным. Потом, устроив себе здесь официальную резиденцию, президент Жардим позаботился о ее реставрации – себе и нам на радость.

Впрочем, нашлись скептики, захотевшие испортить мне песню. Они утверждают, что реставраций и перестроек было так много, что от прежней кинты мало что осталось. И непонятно теперь, помнят ли эти аллеи Карла Ламберта, Карла Брюллова и герцога Лейхтенбергского. И пруды не те, и территория парка проходит, видите ли, по другим границам, да и башня другая. Получается, что это уже как бы две разные усадьбы с одним и тем же названием.

Ворота кинты «Вижиа» открыты для всех желающих с понедельника по пятницу, с 9.00 до 12.30, и затем, после обеденного перерыва, с 14.00 до 17.30. Но внутрь самого здания резиденции не пускают. А вот по парку гуляйте сколько угодно, и в часовню с ее дивными azulejos, керамическими плитками, заглянуть можно. Правда, в наблюдательную башню не попадете: у нее теперь совсем уже не романтическое предназначение, но в какой-то степени снова коммерческое, по крайней мере, финансово-экономическое. Там теперь трудятся бухгалтеры региональной администрации. И, наверное, с тоской посматривают на порт и на океан: что там происходит увлекательного?

Глава 7. От Морского проспекта до горных садов

Из башни, да и с открытой для публики смотровой площадки кинты «Вижиа», как на ладони видна бухта Фуншала с разноцветными большими и маленькими яхтами и набережная, которая, собственно, и есть тот самый Морской проспект, полностью называющийся так: Avenida do Mare das Comunidades Madeirenses. То есть не только Морской, но еще и «проспект Мадерьянских Общин».

Прогулки по нему – особенно вечером, когда он очень красиво освещен, – неременная и крайне приятная часть мадерьянского курортного существования. Здесь есть много чего интересного и удивительного: от старинных фортов и исторических архитектурных памятников до лотка, на котором жарятся каштаны. (Только не летом, разумеется.) Это самые вкусные каштаны в мире, а я знаю, о чем говорю: где я их только не пробовал. Парижские, брагиславские, лионские, да и все прочие – все они жалкое подобие мадерьянских! И здесь вы еще имеете возможность наблюдать, как их жарят в специальном металлическом устройстве, забрасывая яростно шипящей золой. Дюжину вы получаете за два евро в специальном, очень удобном бумажном пакетике, состоящем из двух секций. В одной – горячие каштаны, в другую вы сбрасываете скорлупу. И почему-то почти никогда не бывает в пакете испорченных.

Жена моя в этом месте обязательно скажет: «Не устаю удивляться, как же удобно, в сравнении с Англией, да и другими европейскими странами, устроена в Фуншале жизнь...»

Кстати, из каштанов на Мадейре готовят много чего: и подливки к мясным блюдам, и ликер... и даже хлеб. Но все же вкуснее всего они просто в жареном виде.

Здесь же на набережной – большой, торжественный, желтостенный форт Сан-Лоренсу, в котором до сих пор располагаются официальные учреждения, в том числе и командование мадерьянского военного гарнизона, а также военный музей. Здесь же – оригинальное здание бывшей таможни. Здесь же – «Капитания» (о, как мне нравится это слово!), то есть Управление фуншалского морского порта. И скульптуры здесь можно обнаружить оригинальные. Самая интригующая – высокая черная колонна (кажется, что из камня, но на самом деле это вовсе не камень), в которую входит уже наполовину скрывшаяся в ней человеческая фигура. С обратной же стороны – другая фигура (наверное, имеется в виду та же самая, человек как будто проходит сквозь камень). В руке у возникающего из колонны – портфель.

На Авениде до Мар, на набережной – масса ресторанов больших и малых, но сугубо туристических. Ничего плохого не могу про них сказать, накормят вас там вполне прилично и как липку не обдерут... Но... как бы выразиться повежливее? В общем, вы, наверное, уже и сами догадались: в таком месте, как Мадейра, лучше все-таки ходить в места, которые посещают местные. Вот разве что интересное заведение – не с гастрономической точки зрения, а с исторической – яхта «Vagrant» («Странник»), принадлежавшая когда-то группе «Битлз». Можно посидеть там, попить кофе или даже слегка закусить, пытаясь определить, в какой мере там сохранился дух ливерпульских гениев. Впрочем, в последнее время на набережной развернулись широкомасштабные работы – после реконструкции она должна стать еще красивее и элегантнее, но тем временем прогулочное пространство сократилось и до «Странника» стало не добраться. Говорят, что один раз яхта чуть не утонула, погрузилась уже было на дно, вроде бы ее оттуда достали, но удастся ли ее восстановить – неизвестно. Вот такая грустная история...

С Морского можно выйти на пирс, с которого отправляется большинство прогулочных катеров. Главный аттракцион – сплавать посмотреть на дельфинов и китов, которые подходят близко к берегу – настолько здесь глубоко. Я как-то раз был участником такой прогулки, кита видели только издали, ничего рассмотреть толком не удалось (это вопрос везения), дельфины особого впечатления не произвели, зато чрезвычайно понравилась милейшая мор-

ская черепаха, деловито и очень проворно плывшая мимо. Но матрос с нашего катера все равно плавал быстрее. Он живо нырнул в воду, догнал ее, бедолагу, поймал и притащил на борт катера нам на потеху. С близкого расстояния это оказалось очень красивое существо. Жалко ее было: ведь перепугалась, наверное, бедная, до полусмерти. Как и полагается, моряки затем бережно выпустили животное назад в воду, и оно вроде бы бодро направилось дальше по своим черепашим делам. Прогулка стоит относительно недорого. Ощутимо дороже прокатиться вдоль берега Мадейры на паруснике «Санта-Мария». Хотя, на мой личный вкус, на эту чрезвычайно искусно и любовно воспроизведенную копию подлинной шхуны Христофора Колумба интереснее любоваться снаружи. Но есть своя прелесть и в том, чтобы физически ощутить, каково это было – плыть на этом на удивление маленьком и не очень комфортабельном паруснике открывать Америку. Даже туалет на паруснике сооружен аутентичный, в соответствии со стандартами времен Великих географических открытий.

Отправляется «Санта-Мария» в свой трехчасовой вояж вдоль южного берега острова дважды в день – в 10.30 утра и в три часа дня – из фуншалльской бухты. (Впрочем, время отплытия могут в любой момент изменить – проверьте!) Под скалой Cabo Girão или еще в каком-нибудь подходящем месте на довольно большой глубине, где очень прозрачная, но несколько холодноватая вода, вы сможете нырнуть с борта парусника, испытав любимое развлечение колумбовских моряков. Если прихватить с собой маску с трубкой и ластами, то можно и позаниматься снорклингом, поглазеть на пестрый подводный мир. Правда, на долгое купание не рассчитывайте. И еще одно предупреждение: иногда рейсы оказываются переполненными, поэтому есть смысл заказать билеты заранее, лучше всего через вашу гостиницу. Билеты по местным понятиям совсем недешевы: тридцать евро за штуку, дети до 12 лет плывут за полцены. Для них на борту, кстати, есть дополнительное развлечение – попугай, болтающий по-португальски и по-английски.

Сплавать посмотреть на морских птиц – дело более серьезное и, конечно, еще более дорогое. Чистосердечно отсылаю желающих к Катарине Фагундеш и ее компании Wind Birds (<http://www.madeirawindbirds.com>).

Для любителей рыбалки тоже есть замечательные возможности. Правда, наши друзья Света и Саша пробовали это занятие, но то ли им не повезло, то ли слухи о прелестях мадейрянской рыбалки сильно преувеличены, но попалась им «гадость какая-то, которую даже кошки не едят» (цитата). Точно известно лишь, что это удовольствие стоит уже сотни евро. На Авениде-до-Мар и местные жители, и туристы садятся на автобусы, которые выворачивают затем на Арриагу, она же Инфанте, и увозят вас на запад.

Глава 8. Каналы, без которых нет Мадейры

Однажды стоял я на остановке на этой самой Авениде-до-Мар в Фуншале, мирно дожидаясь городского автобуса, и вдруг увидел нечто невероятное. Мимо промчался серый автобус с красной полоской, междугородный (внутри Фуншала бегают другие – желтые, цыплячьей окраски), и я успел прочесть название конечной над лобовым стеклом: Воа Морте. Я даже не поверил своим глазам. Ведь эти слова по-португальски значат: «хорошая, красивая смерть». Ничего себе имя для населенного пункта! Представляете себе разговор: «Вы где живете? Я? В Красивой Смерти»?

Воображение разыгралось, и я представил себе прижавшееся к суровой горе селение, к которому ведет узкая скользкая тропа над крутым обрывом, над пропастью. Один неверный шаг, чуть-чуть не туда ставшая нога, закачавшийся под каблуком камень – и адеуш, прощайте, люди, я любил вас!

Самое интересное, что такие тропы на Мадейре и в самом деле есть. Мало того, к этому «идеалу» приближаются и отдельные участки левады до Норте, Levada do Norte, на которую вы как раз и попадете из селения Боа Морте. Если вы доедете на том самом автобусе до конца маршрута или доберетесь до Красивой Смерти на машине, то у вас есть шанс испытать что-то подобное. Для этого надо подняться по дороге от конечной остановки автобуса до левады и повернуть *налево*. Именно налево, потому что если вы пойдете *направо*, то, напротив, вас ждет одна из самых безопасных и легких прогулок, которую только можно себе вообразить. По крайней мере, вплоть до Сабо Гирао, того самого места, где на высоте 590 метров построена самая дорогая и самая эффектная смотровая площадка Португалии со стеклянным полом. Настоятельно рекомендую именно этот поход для новичков и не до конца уверенных в своей альпинистской форме индивидуумов: захватывающей красоты все равно получите вдоволь и вовсе не устанете. Но тем, кто гордится своей физической формой и ищет испытаний для тела и духа, им – налево. Но и вы, супермены, будьте предельно бдительны, возьмите с собой столь же сильных товарищей (в одиночку в горы, вы же знаете, ходить нельзя никому), соответствующую одежду и, главное, обувь. Впрочем, первые полчаса, а то и минут сорок ничего экстраординарного испытать не доведется. Но вот дальше на север, за Eira Mouão и гидроэлектростанцией Serra de Буга, начнется участок, достойный настоящего мачо... Ну, или самоубийцы...

Еще, например, на леваде Dos Tornos (Душ Торнуш) есть один такой славный отрезок. Да и маршрут между Voca da Corrida и Encumeada наша подруга Ким описывает английским словом «hairu», то есть волосы дыбом встают, как только взглянешь вниз... Хотя именно оттуда открывается совершенно фантастический вид на Долину Монахинь (Cunhal das Freiras). Но за такое эстетическое удовольствие можно дорого, максимально дорого заплатить. И речь не о тех жалких 27 евро, которые с вас возьмет Ким за организацию такого турпохода... Но не забывайте: до той же Долины Монахинь можно добраться с куда большим комфортом и без всякого риска для жизни и конечностей.

Впрочем, и на маршрутах, считающихся совершенно умеренными, какого-нибудь вовсе даже второго, а то и первого уровня сложности, есть все же места, где вниз лучше долго не смотреть... Ну да, узенькая тропка огорожена, какой-то провод натянут... но обрыв такой, что вспоминается Евгений Винокуров, задававший вопрос: что делать, когда не раскрывается парашют? и отвечавший так: «Стать первый раз в жизни свободным и падать в обнимку с всемирной пустотой».

Здесь полет в обнимку со вселенной получился бы замечательным: мимо вековых лавров реликтового леса, потом – вереска и эрики, могучих эвкалиптов, дивного желто-золотого раkitника, мимо густых виноградников, потом – буйных красок прибрежной полосы...

фиолетовых жакаранд и ярко-оранжевых бишнагуйр. И – в конце... Да когда он наступит, конец этот? Да и наступит ли? Как в португальском анекдоте: «У летящего в пропасть спрашивают на лету: „Как дела?“ Он отвечает бодро: „Пока все нормально, а там посмотрим...“»

Боа морте, прекрасная смерть!

Со мной случалось: заберешься куда-нибудь достаточно высоко в горы, окажешься в местах, где нет уже внешних атрибутов цивилизации – торговых точек, общепита и даже туалетов. Возникает странное ощущение отрезанности от мира, от всего того, что привыкаешь считать само собой разумеющимся. Некоторая дезориентация происходит, почти до головокружения. И спереди и сзади – километры узкой тропы, левада с одной стороны, отвесный обрыв, пропасть – с другой. «Туалет», кстати, нешуточная проблема. Для справления нужд придется, корячась и хватаясь за ветки и стебли, куда-то карабкаться прочь от тропы, забираться в какие-то условные «кустики». Но с «кустиками» в горах непросто! Подходящие места встречаются не так чтобы часто, а на некоторых участках – совсем редко. Так что, отправляясь в левадные походы более чем первого уровня сложности, надо и об этом подумать...

Но даже в самых «головоломных» (в смысле – легко голову сломать) местах вдруг вспоминаешь, что вот здесь, на узком пространстве между скалой и пропастью, кто-то не просто побывал до тебя, но работал, прорубал в горах туннели, строил эту леваду, прокладывал и укреплял узенькую тропинку.

В гору вбивали клинья, люди привязывались к ним, повисали над обрывом, долбили скалу... На сохранившиеся старинные фотографии даже смотреть жутковато, представляя себя на месте тех работяг... Да и сегодня ремонт и поддержание в порядке левад и тропинок вдоль них – в основном тяжелая ручная работа, технику сюда не поднимешь. Правда, висеть над пропастью уже не нужно...

Это настоящее чудо природы – горная система, как губка, впитывающая в себя, аккумулирующая дождевую влагу, а потом постепенно и равномерно отдающая ее через горные ключи и водопады. На одной из левад я увидел наглядную иллюстрацию – прямо в камне, в горе, дыра. И из нее льется чистейшая вода. Меня это зрелище потрясло. Одно дело теория, и совсем другое, когда видишь это реально: воду, выходящую из каменного нутра.

Из того же ряда – мокрые, сочащиеся водой каменные стены вокруг горного озера...

Это чудо природы дополнено чудом рукотворным – сетью оросительных каналов, которые разносят накопленную горами влагу по всему острову.

По Мадейре протянулось примерно 2200 километров левад. Они несут (глагол «levar» в португальском и означает «нести») воду с вершин горных хребтов по террасам, опоясывающим весь остров. Без этой воды знаменитое террасное земледелие было бы невозможно. Поразительно, но строительство началось уже в XV–XVI веках. Первыми строителями были рабы, но не абы какие, а совершенно особенные, владевшие совершенно необычными навыками, например, умевшие передвигаться в горах с помощью высоких и упругих деревянных шестов.

«Прежде чем говорить о левадах, надо несколько слов сказать о гуанчах», – торжественно объявляет мой друг Октавиу и искоса поглядывает на меня – как я восприму столь неожиданный поворот беседы. Мы сидим с ним и его близким приятелем инженером, исследователем и историком-любителем Руи Нельсоном в кафе на втором этаже торгового центра «Дольче Вита» в центре Фуншала, и они на пару рассказывают мне такое, что глаза лезут на лоб. И великолепный горячий кофе застревает в горле. Я действительно поражен. «Причем тут гуанчи?» – думаю я, мучительно пытаюсь вспомнить, что я слышал про это странное, таинственное племя.

У Октавиу и Руи, да и у некоторых других моих мадерьянских друзей немало оригинальных теорий. Они и сами с готовностью признают, что многие из них научно недоказу-

емы и следует считать их всего лишь гипотезами. Но все же это не просто легенды, придуманные на голом месте.

Одна из них касается особой роли гуанчей в истории Мадейры.

Я постарался воспринять ее всерьез, чего и вам желаю. Так все-таки интереснее, особенно в нашу эпоху скепсиса и безверья. И не будем забывать, что эта книга все же – не академический труд, так что можно позволить себе пару вольностей во имя занимательности сюжета.

Так вот, в эпоху позднего палеолита и раннего неолита то ли нашими прямыми предками, то ли их ближайшими родственниками были кроманьонцы, относящиеся к тому же виду, что и современные люди, то есть *Homo sapiens*, «человек разумный». Кроманьонцы с точки зрения анатомии были практически такими же, как мы, но все же несколько от нас отличались. Черепа у них, например, были побольше наших, и мозг, соответственно, тоже. Часть кроманьонцев осталась в континентальной Европе и постепенно вымерла, другая, видимо, более развитая, сумела мигрировать, спасаясь от природных бедствий, и обосновалась на группе островов, расположенных к Западу от Африканского континента в Атлантическом океане. Эту группу островов в Античности называли Макаронезией, «блаженными островами». Да и сейчас иногда употребляют этот термин, имея в виду архипелаг Мадейра, Канарские острова и Кабо-Верде. О них с упоением рассказывали авторы древнегреческих географических книг, но не только. Так, в новгородской летописи говорилось о чудесном острове на краю света, где «всяческие сады благовоннейшие насаждены от Бога». И вот тут мы подходим к наиболее смелой части гипотезы. Эти потомки кроманьонцев будто бы построили на тех островах высокоразвитую цивилизацию, достаточно сложную культуру, создали государственные структуры. Главные центры этой цивилизации располагались на большом, главном острове величиной примерно с Британию. Но природный катаклизм настиг их и посреди Атлантического океана. Под толщами воды, в безднах-глубинах на морском дне, случилось что-то чудовищное – то ли колоссальной силы землетрясение, то ли мощный тектонический сдвиг. Или и то, и другое вместе... На Блаженные острова обрушилось гигантское цунами. Волны высотой в несколько десятков метров смыли с лица земли и дома, и храмы, и плантации, причем главный остров полностью ушел под воду. От могущественной, богатой цивилизации почти ничего не осталось. Вы уже догадались: речь идет об Атлантиде, или бог его знает, как на самом деле называлась та погибшая древняя страна. От архипелага на поверхности остались рожки да ножки, только несколько периферийных, пограничных островов, – один из них несколько тысячелетий спустя назовут Мадейрой.

Несколько сотен обитателей Атлантиды чудом уцелели только на одном острове, расположенном на расстоянии почти в 500 километров к югу от будущей Мадейры (возможно, это были мореплаватели, чьи корабли в роковой момент оказались на достаточном расстоянии от эпицентра катастрофы). Поселившиеся здесь были, видимо, не самыми образованными, не самыми грамотными гражданами Атлантиды, воссоздать хоть какое-то бледное подобие цивилизации, существовавшей на их «большой земле», им было не под силу. И вообще, в такой ситуации «не до жиру – быть бы живу». Как это по науке и должно быть с подобными колониями, началось постепенное одичание. Знания и навыки забывались, достаточно рано была утрачена письменность. Произошло возвращение к примитивной форме родоплеменных отношений.

Когда много столетий, а может, и тысячелетий спустя испанцы приплывут к этому острову, то обнаружат там дикарей, у которых только-только начал зарождаться – или возрождаться? – товарообмен и выделилась знать – племенные вожди. Свой остров потомки кроманьонцев называли Анчерифе в честь одного из крупных центров, может быть, даже столицы погибшей Атлантиды; со временем это название дойдет до наших дней в искаженном виде: Тенерифе. Где-то в пятом столетии до нашей эры здесь побывал самый известный морепла-

ватель того времени Ганнон бен Гамилькар Магонид, он же Ганнон Путешественник. Он обнаружил на острове развалины каких-то величественных зданий, но не нашел людей и решил, что население остров покинуло. Возможно, что гуанчи просто предусмотрительно попрятались, ведь Ганнон, помимо прочего, был еще и полководцем и одним из правителей Карфагена, так что, скорее всего, он прибыл на остров в сопровождении своей армии.

Руи Нельсон считает, что гуанчи сыграли большую роль и в истории Мадейры. Именно они якобы были мастерами передвигаться в горах с помощью длинных гибких шестов, принося этот навык с Тенерифе.

Октавиу отказывается верить в распространенную версию про берберское происхождение гуанчей. Какие же берберы, когда они были все как на подбор высоченными блондинами с голубыми глазами! Но допускает, что, наоборот, берберы произошли от перемешавшихся с местными племенами гуанчей.

Завоевавшие Тенерифе и другие близлежащие острова испанцы нарекли их Канарскими, а обитавших там большеголовых высоких блондинов обратили в рабство.

Кстати, о том, откуда взялось название «Канарские», между учеными идут споры. Одна из теорий гласит, что их называли «собачьими островами», но имелись при этом в виду обитавшие там в большом количестве тюлени-монахи, которые на латыни называются *Canis marinus*, то есть «морские псы». Португальцам эти морские звери напомнили волков, а испанцам – собак. Но в таком случае Канары – «тезки» родного города Октавиу – Камараде-Лобуш!

На Канарах «монахов» полностью истребили, но на архипелаге Мадейра сохранилась и, кажется, начала потихоньку расти небольшая колония. А вот коренных жителей Канарских островов не осталось нигде. Поумирали, видимо, и частично ассимилировались. Когда я вижу жителя Мадейры с необычно большой головой, я думаю: «Уж не разыграли ли тут древние, кроманьонские гены?»

Но как гуанчи попали в XV и XVI веках на Мадейру? Возможно, это произошло потому, что португальцы соперничали с испанцами, нападали на их корабли и отбивали рабов.

Так или иначе, на Мадейре почти сразу же после колонизации острова вспыхнули лесные пожары: люди выжигали для себя жизненное пространство, и пожары эти, бушевавшие целых девять лет, вышли из-под контроля. Когда огонь унялся, у поселившихся здесь португальцев появились возможность земледелия, но для него необходима была вода. Вот тогда и пригодились рабы-гуанчи. Именно их руками (и, возможно, шестами), а затем и руками присоединившихся к ним чернокожих рабов и берберов, захваченных в Африке, и началось осуществление грандиозного ирригационного проекта – строительство каналов-левад. В отдельные моменты в качестве даровой или дешевой рабочей силы использовались сосланные сюда из континентальной Португалии преступники, а также жители северной области Минью, переселявшиеся на остров в поисках лучшей доли.

Веками система каналов достраивалась и расширялась, к ней добавились водохранилища и четыре гидроэлектростанции. Своей нынешней формы и вида она достигла к семидесятым годам прошлого века.

У левад обнаружилось замечательное свойство, которое даже не приходило в голову ее создателям: они стали мощным магнитом для туристов. На земле множество людей «заболели» этим спортом или развлечением – походами через доли и горы красивейшего на свете острова вдоль водных каналов, вдоль несущих воду и жизнь левад. Я знаю немало настоящих фанатов, каждый год приезжающих сюда главным образом ради этого. Есть такие люди уже и в России.

Фаны знают, как организовать такие походы самостоятельно, а для менее опытных любителей и для новичков в Фуншале работают десятки туристических агентств. Вам под-

берут маршрут по силам, научат, как одеться и, главное, обуться, что взять с собой (куртку или теплый плащ, воду, в большинстве случаев также и сухой паек для импровизированного обеда – пикника на природе). Вам дадут гида, отвезут к началу маршрута и доставят назад в гостиницу по его завершении. Стоит это обычно где-то от двадцати до тридцати евро. В некоторых случаях, когда включен еще и ланч в горном ресторане, – чуть дороже. Было бы странно, если бы я не упомянул агентство нашей давней подруги, ирландки Ким, которое стратегически расположено неподалеку от гостиницы «Carlton» на Авениде до Инфанте и называется «Book-it-here». Ким квалифицированно организует вам любую из экскурсий по острову, спортивную рыбалку, придумает, как удовлетворить индивидуальные запросы. За четырнадцать лет нашего знакомства она ни разу не подвела ни нас, ни наших знакомых. Однако справедливости ради нужно сказать, что вокруг немало и других подобных заведений, большинство из которых обеспечат все то же самое за те же примерно деньги. Ким говорит на родном английском и на благоприобретенном португальском, что тоже здесь далеко не редкость. Но если вам необходим русскоязычный агент, то за углом от офиса Ким находится «Fiesta Tour» (Largo Antonio Nobre 158-A), где вас замечательно обслужит Яна Лоскутова или ее сотрудники. В любом случае, все агентства направляют клиентов по одним и тем же маршрутам, а гидами работает один и тот же набор молодых людей. Все они – профессиональные, заботливые, ответственные, но при этом веселые ребята. Только не всегда следует слепо принимать на веру все те сведения, которые они вам сообщат. (Точно так же, как не обязательно верить в атлантидово происхождение гуанчей.) Яна, кстати, занимается не только туризмом, но и недвижимостью...

Самое популярное левадное путешествие – поход в Рабасал (Rabaçal) с посещением 25 так называемых «фонтанов». Действительно очень, очень, чрезвычайно красиво, не забудете никогда. К тому же маршрут – всего лишь второй степени сложности (в брошюрах он квалифицируется как «moderate», то есть «умеренный»). Происходит это так: около девяти утра вас заберут от вашего отеля, усадят в микроавтобус и повезут на запад острова – мимо живописного городка Ribeira Brava, мимо Ponta do Sol, потом на север, в горы. Довезут до одного из небольших городков, где устроят кофепитие и посещение туалета, первым можно пренебречь, вторым надо воспользоваться обязательно. Оттуда еще несколько минут на микроавтобусе – пересечете мрачноватое, но чрезвычайно важное в горной системе острова плоскогорье Paul da Serra, и вот вы на небольшой круглой лесной площадке. Здесь находится каменная постройка, из тех, которые часто встречаются на горных дорогах. Это укрытие от непогоды и в то же время – churrasco, то есть место для готовки на огне, для барбекю, где можно пообедать или поужинать, не подвергая лес опасности пожара... и так уже, начиная со времен Зарку, пострадали от огня... Также здесь обязательно должна быть проточная вода, иногда – туалет (но в данном конкретном случае надо отправляться в кусты, благо тут они еще в изобилии). Можете обратить внимание на растущее рядом дерево или высокий куст: на нем или нежные розовые цветочки, или плоды, внешне – вылитые небольшие бананчики. Но если вы их разрежете, внутри окажется темно-золотистая с коричневатым отливом не совсем прозрачная мякоть с многочисленными черными семечками. Довольно вкусно, хотя и слегка терпко. Впрочем, может быть, я пробовал не самый спелый экземпляр. Это растение и его плоды многие считают результатом скрещивания банана и маракуйи, но это не так, хотя в просторечии его именно банановой маракуйей и называют. На самом деле это пассифлора нежнейшая (ох, какое же название!), или банановая гранадилла. И у нее, согласно справочникам, еще много разных имен, мне, например, очень нравится «страстоцвет мягчайший». При этом выясняется еще, что это никакой не кустарник, а вовсе даже лиана, обнимающая, видимо, дерево, но так с ним слившееся, что я отличить их друг от друга так и не смог. Может быть, потому, что мне надо было спешить к 25 фонтанам, которые,

впрочем, оказались при ближайшем рассмотрении горными источниками, вода из которых создала маленькое, фантастической красоты озерко среди высоченных утесов.

Указатель сообщит вам направление и расстояние до «Фонтанов» и до вершины Pico do Risco. Кстати, Risco – по-португальски вовсе не «риск», а всего лишь «линия», и ничего особенно рискованного вам испытать не придется. Но не ждите и легкой прогулочкой: вам предстоит провести в походе вдоль левады несколько часов, пройдя в общей сложности порядка одиннадцати километров. Придется иногда попотеть на крутых подъемах, понаступать на всякие неровные поверхности, камни и коряги. Если не будете внимательно смотреть под ноги, можете сильно навернуться. Внутри бесконечно темного (ни зги не видать!) тоннеля надо пользоваться фонариком и, опять же, смотреть в оба – под ноги, иначе вы рискуете промочить их в одной из многочисленных луж. Какой-никакой фонарик вам выдаст гид, но лучше бы иметь свой. А то я как-то положился на казенный, он оказался хиловат, и в результате я недосмотрел, угодил-таки одной ногой в грязную воду. Да и на самых, казалось бы, ровных, безопасных местах, где тропа достаточно широка, тоже есть свои опасности. Главная – не пропустить низко нависшую над тропой ветку эрики (а таких на вашем пути будет много). За многие десятки, и то и сотни лет жизни эти деревья становятся твердыми как камень (без преувеличения!), а потому столкновение с ними будет очень болезненным. Такие инциденты чаще всего случаются с людьми, слишком увлекающимися растущими вдоль левады дивными цветами и растениями. А уж там есть чем полюбоваться...

И еще одно очень важное правило: ни в коем случае не фотографируйте на ходу – чревато! Остановитесь, спокойно сделайте снимок, успеете догнать свою группу дальше.

Впрочем, наш опытный гид по имени Бернарду уверяет, что не только ни одного смертельного случая не было у него на маршруте, но и ног и рук никто ни разу не ломал. «Как странно», – сказал я ему, и он на меня слегка надулся.

У нас с ним был еще вот какой эпизод. Бернарду хотел избежать бесконечных толп, что появляются посреди дня на тропе, ведущей к 25 фонтанам. Цель вполне похвальная, поскольку, честно говоря, именно эти толпы – главный недостаток маршрута (я позже скажу, как этих толп можно избежать – совсем).

И вот что Бернарду придумал: не подниматься сразу по нормальной дороге к Pico do Risco, а идти сначала к фонтанам и горному озеру, а потом, на обратном пути, вскарабкаться по отвесному, густо поросшему кустарником и эрикой склону к вершине. Но ему-то хорошо, юнцу тренированному! А вот нашей группе, в которой я был одним из самых молодых, но, увы, тоже вовсе не блистающим физподготовкой участником, пришлось туго. Во-первых, не хватало дыхания, запыхались – страшное дело. Во-вторых, подъем был такой, что надо было все время хвататься за деревья и ветки, ноги то и дело соскальзывали, казалось, обязательно рано или поздно грохнешься. Однако как-то обошлось.

А Бернарду стоит на вершине, снисходительно поглядывает на нас сверху вниз и еще кричит: «Аллес гут?» (большинство в группе было немцами). Все ли вы там в порядке, дескать... «Аллес капут!», – крикнул я ему снизу. Все, кто мог, посмеялись, пересиливая одышку...

Конечно, при малейшей склонности к вертиго (боязни высоты), вам там делать нечего. Уж на что молода, энергична, спортивна наша добрая приятельница Света Азерникова, так и она не выдержала дороги к фонтанам, вынуждена была повернуть назад. Хотя ее вертиго – самой легкой степени. Например, по так называемым «Балконам», Balcoes, совсем уж легкой и короткой леваде, Света гуляет без проблем.

Но каждый, кто преодолел себя, получает двойное удовольствие. И какая же невыносимая красота! И каково наслаждение – дать покой гудящим ногам, усесться на теплых камнях подле горного озера, смотреть на падающий с высоты метров в сорок – пятьдесят водопад,

на горы вокруг и вкушать свой сэндвич, который вдруг покажется вкуснейшим блюдом на свете...

А каков воздух! Когда пройдешь туннель и окажешься на северной стороне, получаешь окончательное доказательство его волшебного качества. На ветках эрик тут и там висят «седые бороды». Это не паутина и тем более не грязь. Наоборот, это самые прихотливые «растения» на свете, погибающие там, где есть малейшие загрязнения воздуха, – лишайники.

«Мы уже в лорисилве!» – торжественно провозглашает Бернарду, и мы проникновенно молчим, преисполненные величием момента, с почтением оглядываясь вокруг. Laurisilva – это буквально значит «лавровый лес», но в этот термин вкладывается совершенно особый смысл. Это не простой лес, а реликтовый. Глядя на него, можно составить впечатление, как выглядела растительность Земли в доледниковые времена.

Лед, покрывший Европу и значительную часть Африки в последний ледниковый период, погубил почти все леса, но на такие вот отделенные острова, на высоту в тысячу метров над уровнем моря, ледники не добрались, и здесь лес уцелел и остался в первозданном виде. Вот почему лорисилва Мадейры объявлена ЮНЕСКО общечеловеческим достоянием и заповедником.

Много еще чему есть подивиться по дороге к 25 фонтанам и обратно: и гигантским баттеркапам, и высоченным вековым лаврам, и накренившимся в разные стороны, искривившимся под грузом столетий эрикам. Одна уже не может стоять и улеглась – толстая, могучая, каменная, прямо поперек тропы, так что приходится через нее перешагивать. Она вполне еще жива, просто отдыхает. Бернарду говорит, ей две тысячи лет... Когда португальцы впервые высадились на острове почти шестьсот лет назад, эта эрика уже была в преклонном возрасте, но, может, еще стояла кое-как...

Но вот «вонючего лавра» мы в тот раз так и не увидели. Между тем это самый высокий из четырех видов этого дерева, растущих в лорисилве: он вымахивает до сорока метров в высоту. Зато видели множество других могучих лавров, в основном так называемую барбузану.

Я никогда не подозревал, как невыносимо прекрасен может быть обыкновенный ракитник, когда его так много, когда он так щедро рассыпает по лесу и по холмам свое сияющее золото. С глазами что-то такое творится... просто ликование.

То и дело левада и тропа, идущая вдоль нее, выходят на обращенные к морю склоны холмов и открываются волшебные виды на океан и сияющие на солнце, кажущиеся отсюда игрушечными прибрежные поселки. «Вон Кальета», – указывает Бернарду, и мы с интересом смотрим на городок, считающийся чемпионом Мадейры и одним из мировых рекорсменов по числу солнечных часов в году. «Там никогда не идет дождь, даже когда на всем остальном острове с небес хлещет вода», – с долей, наверное, художественного преувеличения говорит наш гид.

Тем временем мы вступаем в полосу эвкалиптов: они буквально наполняют воздух своими целебными фитонцидами, но Бернарду качает головой: не стоит особенно радоваться. Эвкалипты – беда Мадейры: дерево-захватчик, дерево-сорняк, интервент, с которым нет никакого сладу...

Во-первых, эвкалипты исключительно быстро и эффективно размножаются, во-вторых, они очень влаголюбивы и высасывают всю воду на большой территории; под ними только папоротники и растут.

Есть чудесные и совсем простые левады для новичков. Та же Levada do Norte (на отрезке между Cabo Girão и Voia Morte), те же Balcões, куда попадаешь через Ribeiro Frio, «Холодный ручей», где можно также поинтересоваться форелевыми хозяйствами Мадейры. С этих самых «балконов» открывается захватывающий дух вид на Фуншал, на бухту и окружающие холмы. Но меня там больше всего поразило обилие мусорных ящиков, выполнен-

ных из какого-то очень красивого дерева – по виду, так просто розовое! А внутри – самая обыкновенная эмалированная мусорка. Но в них, видно, есть острая нужда, столько здесь народу прогуливается.

Кстати, вот он, мой секретный рецепт, как избежать толп на популярных левадах: отправляйтесь туда по понедельникам – это день заезда и отъезда в очень многих гостиницах и пансионатах. Правда, для этого вам потребуется либо раскошелиться на частную экскурсию, либо ехать самостоятельно, взяв напрокат автомобиль или наняв такси, поскольку в связи с отсутствием массового спроса большинство турагентств никаких походов в этот день не предлагает. Если решитесь ехать без гида, то все равно обязательно посоветуйтесь со знающими людьми, например с администратором гостиницы, чтобы случайно не попасть впросак. Например, от Рибейры Фрио идет вниз дорога с крутыми виражами, на которой нередко устраиваются гонки местной золотой молодежи. А зимой, когда в горах выпадает снег, модно забраться повыше в автомобиле, слепить снеговика и, подложив под него тряпочку, установить на капоте машины, а потом соревноваться: кто дальше уедет, прежде чем снеговик растает... В общем, не дай бог попасть на эту дорогу в день каких-то соревнований или гонок, да и в праздник местного святого – тоже (если вы только, наоборот, не хотите принять участия в фестивале, а они бывают весьма живописны).

А ведь случаются еще и погодные катаклизмы местного значения и различные ремонтные работы. Короче говоря, отправляясь в самостоятельное путешествие даже по самым легким левадам, все равно надо и информацию собрать, и правильно экипироваться.

Самые зеленые левады острова, настоящее наслаждение для любителя лесных живописных троп, – это прежде всего *Levada do Furado*, начинающаяся у той же *Ribeiro Frio*, только идущая правее от дороги на *Balcões*, а также *Levada do Caldeirao Verde*. Они тоже не слишком сложны, но противопоказаны людям, страдающим боязнью высоты даже в самой легкой форме. Ну а для тех, кто имеет некоторые альпинистские навыки и хочет острых ощущений, – добро пожаловать на уже упоминавшуюся *Levada Dos Tornos*, там вас ждет не только физический тест, но и ни с чем не сравнимое удовольствие от совершенно неземных, фантастических видов, которые, казалось бы, не должны быть достижимы для простого смертного. Можно еще совершить путешествие к «центру земли» – *Caldeirao Inferno*. Название говорит само за себя – Адская Чаша: там можно воочию увидеть геологическое нутро острова. Но предупреждаю: это приключение тоже – только для опытных и сильных.

Чуть проще пройти тропу, соединяющую две самые знаменитые горные вершины острова, – *Pico de Areeiro* и *Pico Ruivo*, однако нужна привычка в долгой и трудной ходьбе, недюжинная выносливость и выдержка, физическая способность много часов шагать по узким горным тропам. Придется идти долго, очень долго – то круто вверх, то круто вниз. То слева, то справа вас будут сопровождать отвесные обрывы, пропасти сумасшедшей глубины, куда лучше не заглядывать. Тропинка в опасных местах – то есть на большей части пути – аккуратно отгорожена, но все равно, пропасти давят на психику, да и ограда не кажется достаточно прочной, чтобы надежно выдержать ваш вес, если вы, подвернув ногу, на нее упадете... С другой стороны, тщательная обустроенность всей этой дистанции, всего фантастического пути по вершинам горного хребта оставляет какое-то сюрреалистическое ощущение... В итоге награда будет адекватна усилиям. То, что вы увидите, вы не забудете до конца жизни. Причем удивительные зрелища – это не только головокружительные глубины пропастей и космические отроги гор. Весь остров вдруг окажется как будто у вас на ладони. И вдобавок еще одна маленькая премия, еще один мадерьянский аттракцион: посидеть прямо внутри большого белого облака или в метре от него. В районе *Pico de Areeiro* даже лавочки и столы для такого удовольствия предусмотрены.

Менее сложен маршрут через *Queimadas* к Сантане (*Santana*). Красота тоже неопиcуемая, но и этот поход, хоть и не требует подлинно альпинистского опыта, подходит все же

только людям, уверенным в своей физической форме и выносливости. Но даже им я не рекомендовал бы отправляться туда в зимние месяцы: не судите по температуре возле вашего бассейна в Фуншале – в горах может быть пронизывающе холодно и сыро, и, главное, тропа местами становится дьявольски скользкой.

Буквально в тот момент, когда я писал эту главу, пришло сообщение: двое пожилых туристов из Германии, оба вроде бы опытные покорители левад, упали в пропасть. Случилось это не на самом сложном маршруте, а на одном из боковых ответвлений Levada do Bom Sucesso, что значит «большой успех»... да уж, успешней некуда. Один, судя по всему, сорвался, другой полез его спасать... В результате погибли оба.

Такие случаи не часты, но все же года не обходится без того, чтобы несколько неосторожных туристов не пали жертвами любви к головокружительным высотам. И да, как напоминают мне специалисты, на пути к источнику Bom Sucesso есть один очень непростой участок, впрочем, его легко избежать, если знать, что делаешь, и при этом не лезть на рожон.

Что же касается Красивой Смерти, то этому поразительному названию нашлось достаточно простое объяснение: оказывается, там, в этой горной деревушке, есть старинная маленькая часовня. Посвящена она Успению пресвятой Богородицы, то есть ее чудотворной кончине, которую по канонам и католической, и православной церкви нельзя считать обыкновенной, мирской смертью («По рождестве Дева, и по смерти жива»). По-португальски Успение официально называется Dormição de Maria, однако есть и простецкий крестьянский вариант – Voá Morte, Красивая Смерть. Часовня дала название деревне, а та, в свою очередь, леваде. И никакой мистики, и никаких мрачных пророчеств. И часовня очень мила и уютна, есть резон туда заглянуть, что к тому же не составляет никакой проблемы, учитывая, как близко это от центра Фуншала – минут сорок на автобусе и минут двадцать – двадцать пять на такси или арендованной машине.

Глава 9. По дороге к Волшебной горе

Есть еще одна большая и важная улица, идущая выше, севернее, параллельно центральной Авениде Арриага. Это – Rua da Carreira (Руа-да-каррейра) – самая длинная улица города. Она соединяет красавицу Муниципальную площадь с левым берегом Сан-Жоао – одной из трех рассекающих Фуншал рек-ручьев. Судя по названию, на Каррейре когда-то устраивались конные бега, но она давно уже стала туристическим объектом, значной и торговой зоной города.

Два ее отрезка лет десять назад сделали пешеходными.

Я совсем не эксперт по шопингу, но, как я понимаю, на этой улице можно купить много чего интересного. Мне запомнился визит в один симпатичный индийский магазинчик. Торговали здесь не только одеждой, но и техникой, и продавец готов был поменять батарейку в моих часах. Случай оказался не банальным, часы долго не желали открываться, батарейка была редкой разновидности, наш индеец не сразу нашел ее, провозился в общей сложности минут десять. «Ну, сейчас он с нас сдерет!» – подумал я. «Евро пятьдесят четыре», – подвел итог продавец. «Сколько?!» – мне показалось, что он потребовал с нас больше полусотни евро за батарейку вместе с работой. Оказалось, ничего подобного. Один евро, пятьдесят четыре цента. Мы округлили сумму, конечно, сорок шесть центов накинули... Продавец нас сердечно благодарил. Такие вот на этом острове цены...

Каррейра при этом местными считается районом достаточно дорогим.

На Каррейре мне очень нравился музей «Фотостудия Висенте», находившийся на территории настоящей первой фотостудии не только Мадейры, но и всей Португалии. Студия была основана в 1848 году. Выставленные здесь старинные фотографии показывали Мадейру такой, какой она была до Первой мировой войны. Ну, и кое-что более современное тоже можно было посмотреть. При музее к тому же работал очень уютный ресторан, расположившийся в полукруглом дворике. Балюстрада второго этажа была огорожена, или, скорее, украшена замечательной узорной металлической решеткой, а на стенах первого этажа висели огромные репродукции уникальных снимков начала прошлого века. Здесь недурно готовили мой любимый помидорно-луковый суп и мадерьянский шашлык эшпетаде. Можно было вкушать шедевры местной кухни, любуясь в то же время фотографиями, – и все это на свежем воздухе.

Замечательный был ресторан, кто бы мог подумать, что он обанкротится... Но вот, закрылся. Вот что значит – экономический кризис. Да и музей тоже закрыли на ремонт. Будем надеяться, что не навсегда.

На той же Каррейре есть еще одно заведение с великолепным двориком, не видимым с улицы. О его наличии можно догадаться лишь по названию: «Jardim da Carreira», то есть «Сад Каррейры». Но на мой субъективный взгляд, владельцам надо всерьез поработать и над меню (оно не то чтобы плохое, но банальное, никак не выделяется на улице, на которой ресторан на ресторане сидит и рестораном погоняет). И сервис, мягко скажем, не выдающийся. Нет, вам не нагрубят, но что-то не видно радушия на не слишком гостеприимных лицах официантов.

Тут я сразу хотел бы предупредить: мадерьянцы могут иногда произвести впечатление людей чуть ли не суровых, они не выносят даже намека на подобострастие и приторную вежливость. Но это именно тот случай, воспетый Андреем Мироновым, – «на лицо ужасные, добрые внутри». Ну, или почти: в любом случае, поняв их, не полюбить их и не оценить их замечательных человеческих качеств, на мой взгляд, просто невозможно, хотя и на этот счет есть разные мнения. Однако, если уж работаешь в сфере обслуживания, необходимо все же сделать некое дополнительное усилие. Улыбнуться лишний раз. Постараться не

слишком прямолинейно, достойно, но все же обаять клиентов, что ли. И надо сказать, что в большинстве случаев мадерьянцы такое усилие научились совершать, и правильная, без сервильности, форма общения с клиентами у них выработалась... В этом смысле Мадейра даст сто очков вперед Лиссабону, где сервис, по нашим наблюдениям, не то чтобы блещет, хотя бывают, конечно, исключения.

Вернемся к плану города. Еще выше, над Фуншалом, уже фактически в горах – очень важный для туриста район Monte (это слово и значит: «гора»). Во второй половине XIX и в первой половине XX века этот район считался суперфешенебельным пригородом. Здесь было чуть прохладнее летом, воздух был еще чище и свежее, чем в центре города, от которого сюда надо было подниматься в гору целых восемь километров. Прекрасные морские виды, ну и вообще ощущение некоей эксклюзивности, которую так любят сильные мира сего. Здесь были виллы богачей и аристократов и самые роскошные отели, здесь жили и умирали «селебритиз», знаменитости того времени. Например, похороненный в Монте последний император Австро-Венгрии Карл, отправленный на Мадейру в ссылку и, как считают сторонники теории заговоров, отравленный спецслужбами Антанты. (Кстати, я с удовольствием написал бы о нем книгу, фигура эта была абсолютно трагическая и не понятая современниками, достаточно сказать, что он упорно пытался остановить бессмысленную мясорубку мировой войны, но не смог. И его же превратили при этом в козла отпущения!)

Император жил на знаменитой усадьбе «Кинта до Монте», которую с тех пор переименовали в его честь: Quinta Jardins do Imperador. Усадьбу любезно предоставил в распоряжение изгнанника владелец – мадерьянский банкир. Тот, в свою очередь, перекупил ее в самом конце XIX века у наследников англичанина Джеймса Дэвида Гордона, очень богатого и весьма эксцентричного джентльмена. На территории усадьбы стоит башня «Malakoff» – «Малахов курган», красивое сооружение с элегантным кафе на крыше. Как вы догадываетесь, башню соорудили английские владельцы в ознаменование одной из главных битв Крымской войны.

Император Карл похоронен в изумительной церкви Nossa Senhora do Monte. Хорошо видная с моря, белая, с элегантными серого камня обрамлениями вокруг высоких окон, она остается местом ежегодного паломничества верующих. Самые благочестивые из них поднимаются к ней на коленях по всем 68 ступенькам.

На рубеже веков была даже построена железная дорога, соединившая Монте с центром, и по ней гоняли одновагонный поезд. Но с тех пор ситуация резко изменилась: поезд и железную дорогу ликвидировали, а толпы туристов вытеснили отсюда аристократию и богачей.

До Монте теперь добираются за 15 минут и за 15 евро (это если туда и обратно) на фуникулере – быстро, удобно, бесшумно. И экология не страдает, ведь раньше на дорогах возникали в том районе отравлявшие атмосферу пробки. Но всем не угодишь. Как-то посмотрел я вниз сквозь прозрачную стену кабинки и увидел огромную надпись на крыше дома (по-английски, что было по-своему логично): «We have our human rights too» – «У нас тоже есть человеческие права». Догадываюсь, что неприятно, если у тебя над головой целыми днями напролет ездят чужие люди, которым прекрасно видно все происходящее в твоём дворе. А ведь таким образом перемещается несколько сотен человек за день. Но что делать? Разве что требовать компенсации, на которую можно купить другой, закрытый от любопытных глаз дом...

На Монте еще много чего интересного. Например, Тропический сад (Monte Palace Tropical Gardens), принадлежащий благотворительному фонду Берарду. Тут надо сразу несколько слов сказать о его основателе – Джо Берарду. Как-никак он один из самых именитых сыновей Мадейры. Родился он в бедной семье в фуншалском районе Санта-Лузия и, как многие другие бедняки, в 18 лет отправился в ЮАР на заработки. Но, в отличие от

подавляющего большинства, он не только ломал спину, копя гроши, но и искал возможности для успешного бизнеса. И пришла ему в голову без преувеличения гениальная идея: скупать по дешевке отходные (или отвалыные) породы старых золотых рудников. Они, породы эти, в свое время были сочтены содержащими недостаточное количество драгоценного металла, чтобы оправдать дополнительные расходы и усилия по его извлечению. Но ведь с тех пор появились новые эффективные технологии...

В итоге Джо Берарду сказочно разбогател, стал сначала мультимиллионером, а потом, научившись ловко играть на бирже, и миллиардером, одним из самых богатых людей всей Португалии. Одна его коллекция современного изобразительного искусства оценивается более чем в триста миллионов евро.

Но вот последняя информация: финансовый кризис ударил и по португальским «олигархам»: Джо Берарду оказался в положении, близком к банкротству, но «дело его живет» – в том смысле, что благотворительный фонд его имени жив и функционирует, пока по крайней мере.

Одно из его детищ – этот Тропический сад Мадейры. В нем, помимо большого количества экзотических растений и цветов, собрана впечатляющая коллекция азулежуш – знаменитой португальской керамической плитки (от XVII до XX века), из которой сложены не только изящные мозаики, но и целые картины. Кроме того, здесь можно посмотреть на самую большую в мире вазу ручной работы высотой в пять метров, весящую около 350 килограммов. Это не говоря уже о выставке фарфора и небольшом минералогическом музее. Но ценнее всего, наверное, общая атмосфера сказки с таинственными тропками, прудами, мостиками, мини-водопадами. Сад этот обычно нравится детям, которых пускают туда бесплатно (в сопровождении взрослых, разумеется, которым придется платить по 10 евро за каждый билет – немалая сумма по местным понятиям). Средства от продажи билетов, за вычетом тех, что идут непосредственно на содержание сада, поступают в фонд поддержки искусств, культуры и так далее.

Еще один всемирно известный местный аттракцион называется «Carros de Cesto do Monte». Что значит в буквальном переводе «повозки-корзины Монте». Это такие сани с плетеными стенками, наподобие корзины. Придуманы они были в XIX веке каким-то богатым англичанином (то ли тем же Джеймсом Гордоном, то ли его братом) вовсе не для развлечения, а для быстрого спуска из Монте в центр Фуншала: разве можно деловому человеку терять каждый день уйму времени на то, чтобы добраться до города гужевым транспортом или верхом? Идея носилась в воздухе: ведь на Мадейре долгие века не было колесного транспорта, люди и грузы передвигались на таких вот «бесснежных санях» (так их прозвал один русский путешественник) – с полозьями, с запряженным в повозку быком. Ну а немощных и очень богатых носили в паланкинах.

Но как обеспечить безопасность спуска по весьма крутому холму? А так: приставили к саням двух дюжих молодцов, которые должны бежать вместе с санями, когда нужно ускорять, но большую часть времени, наоборот, слегка тормозя, сдерживая скорость и не давая саням слететь с дороги и во что-нибудь врезаться.

В наше время в таком спуске нет необходимости, но осталось оригинальное развлечение. Местные анналы сохранили мнение такого признанного эксперта по острым ощущениям, как Эрнест Хемингуэй, который якобы включал головокружительный спуск на этих санях в список достойных способов впрыснуть в кровь немного адреналина. Одеты молодцы (они называются *carreiros*) в белые сорочки, на ногах у них – специальные темно-коричневые сапожки, а на головах – соломенные круглые шляпы. Сапожки особой конструкции с очень толстыми резиновыми подошвами, чтобы можно было ими тормозить. Говорят, за год снашивается по несколько пар таких сапожек.

Один из *carreiros* по имени Жоао рассказывал, что и его дед, и его отец зарабатывали на жизнь таким способом. Наследственная профессия – бегать с санями для развлечения туристов...

Острое ощущение длится около десяти минут и обходится в 25 евро; впрочем, для групп есть скидки.

От Монте легко и удобно добраться до всемирно знаменитого Ботанического сада (не путайте с Тропическим садом, а то я несколько лет путал!). Ботанический был создан в 1960 году на месте частного парка. Это, на мой взгляд, удивительное место. Дело не только в том, что здесь в полной гармонии друг с другом растет около двух с половиной тысяч видов интересных растений и живет около трехсот экзотических птиц. Здесь какая-то очень позитивная атмосфера, здесь легко душе и приятно глазу. Тот, кто, побывав на Мадейре, не посетил Ботанический сад, зря сюда приезжал. Ну хорошо, может, это я погорячился, не зря, конечно, ведь здесь есть много чего другого замечательного. В конце концов, за год в саду бывает под 400 тысяч посетителей, а в целом Мадейру посещает до миллиона туристов в год. Но, скажем так, люди, не попавшие в Ботанический, совершили ошибку. Если вы один из них, исправьте ее непременно в следующий раз, точно не пожалеете.

До Ботанического сада на санях не доедете, надо или брать такси, или – удобнее всего – опять воспользоваться фуникулером: вторая линия «Teleférico» вошла в строй относительно недавно – в 2005 году. За примерно девятиминутное путешествие вы сможете насмотреться и на глубокий овраг, по дну которого течет еще одна из пересекающих Фуншал рек – Ribeira do João Gomes, и на растущий на склонах уникальный реликтовый лес. Фуникулер не только довезет вас в Ботанический сад, но и поможет быстро добраться до начала нескольких популярных пешеходных троп, проложенных вдоль оросительных каналов (левад) – Vom Sucesso, Tornos и Curral dos Romeiros. Впрочем, сразу предупреждаю: это далеко не самые легкие тропы, новичкам лучше начинать с других. Но о левадах подробнее в главе «Каналы, без которых нет Мадейры».

Глава 10. О нервных революционерах и харизматичных художниках

Спустившись на фуникулере из Монте в центр Фуншала, вы попадете в район парка Jardim do Almirante Reis.

Не могу удержаться и не сказать нескольких слов о человеке, в честь которого парк назван. Потому что он тоже просится в герои романа.

Адмирал Кандиду душ Рейш был одним из лидеров республиканской революции 1910 года в Лиссабоне. Некоторые историки даже считают, что его роль в антимонархическом восстании была чуть ли не решающей. Он был убежденным республиканцем и одним из тех, кто заложил традицию активного участия офицеров в политике, причем и в 1910, и в 1974 годах, во время «революции гвоздик», именно военные оказались главными двигателями перемен. Адмирал Рейш, награжденный высшими орденами за свои боевые заслуги на море, был совершенно бесстрашным человеком. Но видимо, слишком нетерпеливым и легко вспыхивавшим от мельчайшей искры. В каких-то военных и революционных ситуациях это было большим плюсом. Но вот в октябре 1910-го адмирал получил неверную, ошибочную информацию о поражении восстания и тут же взял и застрелился... А через несколько часов после рокового выстрела республиканская революция победила.

Адмирал Рейш явно не был типичным португальцем: многие иностранцы отмечают как национальную черту терпеливость и некоторую неторопливость – качества, которые в большинстве случаев являются достоинствами. Но есть и исключения, например когда официант задерживается с исполнением заказа.

Сойдя с Фуникулера, неторопливо оглядитесь вокруг и поищите улицу Rua dos Barreiros (душ Баррейруш) – всего несколько шагов по ней, и она пересечется с другой, куда более интересной улицей, одной из самых интересных во всем Фуншале. Называется она Санта-Мария (Rua de Santa Maria) – и это, по мнению авторитетных историков, самая первая улица Старого города. С нее он начался в XV веке. Когда мы впервые сюда попали четырнадцать лет назад, улица производила удручающее впечатление. Было такое ощущение, что ее за все века ни разу не ремонтировали и не чистили. Облупленные грязные стены в подтеках, сомнительные запахи... Просто неприлично все это выглядело, а ведь она вела к нескольким претендующим на изысканность (и на кошельки туристов) ресторанам и к тому же фуникулеру. Стыд был и позор.

Но с тех пор фуншалцы показали, на что они способны. Нашлись деньги частных доноров, нашлись художники-волонтеры. Старые дома отчистили, отмыли, покрасили. В первых этажах открылись новые, стильные заведения. И, что особенно любопытно, художники дали волю своей фантазии, расписывая двери. Чего тут только нет – от всяких сюрреалистических чудищ до обнаженного женского тела... Но ни одна картина не повторяет другую. В итоге на свет появилась оригинальная выставка под открытым небом – «улица расписных дверей». Или «дверной живописи». Туристы ходят и только диву даются.

Одним из тех, кто расписывал двери, был Александр Гончаров, русско-украинский художник-самоучка из Белой Церкви. Художник пережил на родине тяжелые времена («Помню, как разводили водой варенье и пили вместо обеда», – рассказывает он), в поисках лучшей доли отправился на Запад и случайно попал на Мадейру. И сразу понял: вот оно место, где надо жить. «Почему?» – спрашиваю. «Потому что здесь простор», – отвечает он. Как же так? Ведь мне не раз приходилось слышать, что некоторым здесь, наоборот, тесно. Клаустрофобно даже. Вон и Дос Пассос, знаменитый американский писатель мадерьянского происхождения, говорил про родину предков, что это «одновременно и рай и тюрьма».

Но я понимаю, что имеет в виду Александр Гончаров. Он, как и я, заморожен на всю жизнь океаном. И для него остров существует не сам по себе, а как часть безграничных морских просторов.

С Санта-Марии можно попасть в художественный центр «Криамар» («Criamar» – игра слов: crianças – дети, mar – море, глагол criar – создавать, творить). Главный вход – с параллельной улицы Дона Карлуша. Лидер гостиничного бизнеса Мадейры, компания «Пештана», выделила деньги, и художники создали инициативную группу, выкупили развалившееся ни на что уже не пригодное здание, отремонтировали его и получили в свое распоряжение выставочное помещение.

Александр – красавец, хоть в Голливуде снимай. Немножко мистик, и что-то в нем есть от мессии. Он умеет не только интересно говорить, находя неожиданные образы и метафоры, но и интересно молчать. Забавно рассказывает, как он заглядывал себе в душу, пытаясь понять, что там такое требует выражения. Попробовал стать поваром – понял, что это не его. Пытался стричь, сделал дочери сложную прическу, но нет, парикмахерское искусство тоже не загло. Почти уже стал общественным деятелем, неформальным лидером украинской общины – тоже наскучило. Но вот, взявшись за кисти, почувствовал прилив никогда до тех пор не испытанного вдохновения. Рисовал много часов подряд и не мог остановиться.

Если смотришь на то, первое его произведение и сравниваешь с тем, как он рисует теперь, то видишь, какой огромный путь он прошел, как многому сумел себя научить. Картины Александра Гончарова здесь, пожалуй, самые интересные и самые профессиональные.

А две его дочки – уже наполовину португалки-матерьянки. Здесь их родная сторона. Парадокс: вырастут, и им может показаться здесь тесно.

Младшая ходит в рисовальный кружок, созданный при благотворительном фонде «Криамар». Фонд финансирует и более серьезные художественные занятия, и летние клубы-лагеря, и походы, и соревнования для детей из небогатых семей. Деньги дает в основном «Пештана», а руководит всем этим на общественных началах бывший министр культуры и туризма Мадейры, абсолютно легендарная, феноменальная личность, главный матерьянский эксцентрик Жоао Карлуш Абреу. Именно он придумал и создал в свое время знаменитые матерьянские фестивали, в том числе фестиваль цветов. Да и проект разрисовки дверей улицы Санта-Мария – тоже его идея.

О доне Абреу речь еще впереди, он мне здорово помог в сборе материала для книги. По субботам любой ребенок из любой семьи может прийти в «Криамар» (с 11.00 до 14.30) и рисовать что в голову придет под руководством очаровательной, миниатюрной девушки по имени Пипа – так она всем представляется. На нее многие заглядываются, но Александр Гончаров рассказывает, что Пипа упорно не отвечает на ухаживания, только смеется, показывая ровный ряд жемчужных зубов. Наша маленькая англичанка тоже одно время в этот кружок ходила и получала от малевания немалое удовольствие, а с Пипой у нее, как и у других детей, полная любовь и дружба.

Вполне возможно, что в этой детской секции растет какой-то будущий знаменитый художник или художница, которые прославят Мадейру. Правда, юному поколению, помимо обучения рисовальной технике, необходима еще и подпитка художественными впечатлениями, а с ними на Мадейре не очень богато. Но кое-что все-таки есть...

Глава 11. Фуншалские музеи: вспоминая Врубеля

Одна из недлинных, но исторически важных улиц в центре Фуншала – Rua Bispo, улица епископа. Она идет параллельно проспекту Арриага, чуть выше него. На улице немало прекрасных образцов мадерьянской архитектуры XVIII века – изящных трехэтажных домов с двойными карнизами и элегантными эркерами. Но самое красивое здание, наверное, это все же бывший дворец епископа (bispo по-португальски – в его честь названа и вся улица) под номером 21. В этом здании теперь нет епископов, но располагается Museu de Arte Sacra, Музей сакрального искусства, и это, без сомнения, главное, что может предложить Мадейра любителям искусства изобразительного. Коллекция скромная, достаточно случайная и бессистемная, хотя и тщательно, любовно лелеемая мадерьянцами. Но есть там пара экспонатов, заставивших меня надолго перед ними задержаться и вспомнить Врубеля.

Я вовсе не специалист и, признаюсь, не люблю классическую живопись на библейские темы. Не могу в полной мере оценить мастерство и точность кисти, когда раздражают искусственность поз и приторное благочестие лиц. Может быть, поэтому так поразила когда-то «Богородица с младенцем» Врубеля, где такая высокая и такая современная (потому что вечная) трагедия в женских глазах, что оторопь берет. Забыть ее, по-моему, невозможно.

Не то чтобы я обнаружил в фуншалском Музее сакрального искусства врубелевский стиль, нет, это работы совсем другой эпохи. Но я испытал нечто подобное: внезапное «узнавание», острое сопереживание, соединение с, казалось бы, бесконечно далеким от сегодняшней реальности религиозным образом. Это прежде всего деревянная статуя сидящего Христа работы неизвестного фламандского скульптора. Столько в ней боли и ее мучительного, но совсем не пафосного, не «кричащего» преодоления, что безразлично мимо не пройдешь. На мой непросвещенный взгляд, несколько работ португальской школы тоже заслуживают внимания хотя бы элементарно интересующегося темой человека.

Под воздействием образа Христа вдруг обнаруживаешь, что с интересом рассматриваешь и другие экспонаты: например, очень, казалось бы, странный фрагмент огромной деревянной скульптуры архангела. От всей фигуры сохранилась только нижняя часть: мощные, в три человеческих размера, ноги, выбивающиеся из-под непомерной тоги. Ступни вылеплены (вернее, выструганы, это же дерево!) чрезвычайно реалистично, если не натуралистично. С таким гигантским заскорузлым ногтем на большом пальце... С одной стороны, почти смешно. Но с другой – вдруг повеет от странной статуи чем-то очень правдивым, какой-то сермяжной и довольно жесткой правдой, и, как ни парадоксально, покажется вдруг очень дерзко современной форма, особенно если представить себе, что верхняя часть не обломилась, а что все так и было задумано. Не школа ли Сальвадора Дали? Нет, написано: XVII век...

И еще – тоже крупное, в человеческий рост деревянное распятие. Руки Христа сторели, обожженным кажется и тело, и лицо... выраженное на нем терпеливое страдание кажется от этого еще более естественным и потому оставляет в душе какой-то неожиданно тревожный след. Как будто пожар стал соавтором неизвестного скульптора, многократно усилив задуманный эффект.

Это распятие тоже попало на Мадейру из Фландрии в начале XVI века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.